

Любимым ДЕТЯМ

Рассказы, повести, сказки и былины,
которые в детстве очень любили читать
великие княжны и цесаревич

Любимым детям

2020

УДК 821.161.1-32
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

Любимым детям / 2020

ISBN 978-5-00127-197-0

Детство – это сердцевинная часть каждой жизни. Поэтому всё, что мы впитали в себя в первые годы, необыкновенно важно. Самое светлое и дорогое: святая ласка матери и доброта близких, которые согревали нас, рассказы, над которыми мы плакали в детстве, – помогают нам вынести будущие невзгоды и трудности. Государь Николай II и императрица Александра Феодоровна воспитали пятерых замечательных детей. Красота их душ восхищает нас и по сей день. Мы с любовью повторяем их имена: цесаревич Алексей, царевны Ольга, Татиана, Мария и Анастасия. О Царской семье говорили: «Это была самая святая и чистая семья, царские дети были простые, открытые, глубоко правдивые, образованные, истинно религиозные... Воспитанием и образованием своих детей императрица заведовала лично. Государыня воспитала в них веру, силу духа и смирение». В этой книге мы поместили былины, стихи и сказки, которые в детстве очень любили читать великие княжны и цесаревич, а также другие рассказы и стихи, которые будут интересны маленьким читателям.

УДК 821.161.1-32
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 978-5-00127-197-0

, 2020

Содержание

Вступление	6
Вольга и Микула	9
Голубиная книга	11
Исцеление Ильи Муромца	12
Величание земли Русской	15
Родина	16
Снежная королева. Сказка в семи рассказа	17
Рассказ первый	17
Рассказ второй	18
Рассказ третий	21
Рассказ четвёртый	24
Рассказ пятый	28
Рассказ шестой	32
Рассказ седьмой	34
Розы цветут... Красота, красота!	36
В римском цирке	37
Великодушная	41
Вера, Надежда, Любовь	43
Кирик и Иулитта	46
Легенда о рождественских розах	49
Мальчик у Христа на ёлке	51
Непридуманные рассказы	54
Вексель	55
Детское горе	59
Тёма и Жучка	61
Хромая собака	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Любимым детям: сборник

Составитель Елена Ерофеева

*Пресветлому Ангелу Хранителю России
Цесаревичу Алексею
посвящается*

*Допущено к распространению Издательским советом
Русской Православной Церкви*

© Сибирская Благовонница, оформление, 2015
© Ерофеева Е. В., составление, 2005
© Агафонова Н. М., иллюстрации, 2016

Вступление

Созидается же семья неустанным трудом любви.
Ф.М. Достоевский

Самое могучее и красивое дерево обязательно было когда-то тоненьким и хрупким. На его срезе ранний возраст навсегда отмечен первым колечком – это стержень всего ствола. Детство – это сердцевинная часть каждой жизни. Поэтому всё, что мы впитали в себя в первые годы, необыкновенно важно. Самое светлое и дорогое: святая ласка матери и доброта близких, которые согревали нас, рассказы, над которыми мы плакали в детстве, – помогут нам вынести все невзгоды и трудности. В лучшие, искренние минуты жизни – человек в любом возрасте ощущает себя простым, доверчивым, открытым, – понимает вдруг, что он – «родом из детства». Этими минутами мы все дорожим больше всего.

Государь Николай II и императрица Александра Феодоровна воспитали пятерых замечательных детей. Красота их душ восхищает нас и по сей день. Мы с любовью повторяем их имена: цесаревич Алексей, царевны Ольга, Татиана, Мария и Анастасия. В родной семье государыни было много детей. Старшие все делали для себя сами, были обучены хозяйству и рукоделию. Но главное – их учили сострадать. Вместе с матерью они постоянно ездили в больницы, приюты, дома инвалидов... Приносили охапки цветов, делили на всех, букеты ставили у каждой кровати. Радовали тех, кого некому было порадовать, утешали больных своим детским лепетом.

Став многодетной матерью, получив от Бога ответственность за юные души, государыня писала в своем дневнике:

«Каждое сердце должно быть маленьким садом. Он должен всегда быть очищен от сорняков и быть полон чудных прекрасных растений и цветов. Кусочек сада повсюду красив не только сам по себе, но приносит радость всем, кто его видит. Богу угодно, чтобы мы сделали наши жизни такими, чтобы они искупили из мрака окружающее нас и преобразили в прекрасное. Предположим, что в этом саду и деревья, и цветы, и все растения ещё в объятиях зимы. Как это бывает перед приходом весны, деревья голые, но тысячи почек ждут только прикосновения тёплых солнечных лучей, чтобы распуститься живыми цветами. Кусты роз голые и колючие, и пока лишены красоты, но нужен только тёплый весенний воздух и тихий дождь, чтобы они оделись в чудесный наряд.

Разве это не напоминает также картину жизни многих людей? Разве не лежат наши дарования и наши молитвы в нераскрывшихся почках? Разве мы делаем в жизни лучшее, на что способны? Разве наши жизни так прекрасны, как они могли бы быть? Разве мы также помогаем другим людям, думаем о них и так добры к ним – как нам следовало бы? Мы не можем взрастить любовь в своих сердцах к другим без божественного вдохновения.

Прекрасные качества христианского характера – это не обычные добродетели. О них говорится как о плодах Духа. Ничто, кроме Любви Господа, не может пробудить в нас духовные силы и возможности...»

Дневник императрицы, посвящённый семье, открывает множество тайн о том, как создается семейное счастье. Недаром о царской семье говорили: «Это была самая святая и чистая семья.» Она по сей день является Небесной покровительницей каждой русской семьи.

«Царские дети были простые, открытые, глубоко правдивые, образованные, истинно религиозные. Они были горячие патриоты; обожали Россию и всё русское; между собой всегда говорили только по-русски и плохо говорили на иностранных языках. Воспитанием и образованием своих детей императрица заведовала лично. Государыня воспитала в них веру, силу

духа и смирение, которые помогли им безропотно вынести дни заточения и принять мученическую смерть. Дети преклонялись перед своими родителями».

Из писем императрицы старшей дочери (1905 год, великой княжне Ольге десять лет). *Ты у нас старшая и должна показывать другим, как себя вести. Учись делать других счастливыми, думай о себе в последнюю очередь. Будь мягкой, доброй, никогда не веди себя грубо или резко... Будь терпелива и вежлива, всячески помогай сестрам. Когда увидишь кого-нибудь в печали, старайся подбодрить солнечной улыбкой. Ты бываешь такой милой и вежливой со мной, будь такой же и с сестрами. Покажи своё любящее сердце. Прежде всего, научись любить Бога – всеми силами души, и Он всегда будет с тобой. Молись Ему от всего сердца. Помни, что Он все видит и слышит. Он нежно любит своих детей, но они должны научиться исполнять Его волю... Нежно целую, моя любимая большая Ольга... Пусть Бог пребудет с тобой и хранит тебя Пресвятая Богородица.*

Знаю детей и взрослых, которые переписали себе на память эти слова, чтобы никогда не забывать их и к ним возвращаться.

«Быть добрым – значит быть счастливым, – вот главная тайна жизни. – Александра Феодоровна была уверена в этой истине. – Постараться сделать счастливыми своих ближних – это путь и к собственному счастью... Сколько возможностей сделать хорошее мы упускаем, даже не сознавая ценности того, что упустили!»

Императрица посещала многих туберкулезных больных. Когда не могла идти сама, посылала дочерей. Ей часто с волнением говорили, что невысказанно подвергать девочек такой опасности (в то время туберкулез был неизлечимой болезнью). «Они должны видеть в жизни не только красоту, но и печаль», – отвечала государыня.

Высокие душевные качества царских детей позволили им, вслед за матерью, стать сестрами милосердия в тяжелые годы Первой мировой войны. Их души стремились служить, помогать больным и страждущим, как это было свойственно великой княгине Елисавете Феодоровне и её родной сестре – государыне.

А. А. Танеева: «Когда во время войны прибывали санитарные поезда, императрица и великие княжны делали перевязки, ни на минуты не присаживаясь с девяти часов утра до трех часов дня. Во время тяжёлых операций раненые умоляли государыню побыть около них. Вижу её, как она утешает и ободряет их, кладёт руку на голову и молится с ними.

Императрицу боготворили, ожидали её прихода, стараясь дотронуться до её серого санитарного платья; умирающие просили её посидеть около кровати, подержать им руку или голову, и она, невзирая на усталость, успокаивала их целыми часами».

Из письма государыни Николаю Александровичу: «Слава Богу за то, что мы имеем возможность принести некоторое облегчение страждущим. Так хочется согреть и поддержать этих храбрецов и заменить им их близких...»

В своих письмах из ссылки Александра Феодоровна пишет, что она видела себя матерью России, матерью всех её людей.

С. Я. Офросимова: «Весь день великих княжон был посвящен раненым; им они отдавали всю любовь, всю ласку и заботу своих отзывчивых душ; жизнь раненых стала их жизнью, над ними они склонялись с глубокой любовью и нежностью, у их изголовий проливали слезы сострадания, из-за них часто не спали ночей, смертью кого-либо из них глубоко огорчались, выздоровлению радовались со всей силой своих впечатлительных душ. Не было ни одного солдата и офицера в их лазаретах, который не был бы ими обласкан и ободрен. Выписываясь из лазарета, каждый раненый уносил с собой какой-нибудь подарок, данный ему на память от всего сердца. Каждый увозил с собой самое светлое, самое радостное воспоминание о княжках». Посещал госпитали и цесаревич Алексей.

По отзывам близких, наследник отличался большими способностями и учился шутя, как и великая княжна Ольга Николаевна, которая была замечательно умна и способна. «Алексей

Николаевич, – вспоминал Пьер Жильяр, – был ребёнок умный и живой, сердечный и отзывчивый»...

Один из близких к нему учителей говорил: «В душе этого ребёнка не заложено ни одной скверной или порочной черты; душа его – самая добрая почва для всех добрых семян; если сумеют их насадить и взрастить, то Русская Земля получит не только прекрасного и умного государя, но и прекрасного человека».

В этой книге мы поместили былины, рассказы и сказки, так как их в детстве очень любил цесаревич. По его тайной просьбе, после вечернего благословения мамы в его комнату неслышно проходил солдат-сказочник из Сводного полка. Забравшись под кровать наследника, чтобы скрыться от внимательных родительских глаз, он часами рассказывал ему сказки и истории. Ещё совсем юным цесаревич любил слушать жития святых, которые читала ему мама. Она не доверила духовное образование сына блестящим учителям и занималась с ним исключительно сама.

Царские дети хорошо знали жития святых и были глубоко проникнуты их содержанием. Они любили читать и произведения русских писателей: А. П. Чехова, А. И. Куприна, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого и других.

В своем воспитании государыня не стремилась вложить в детские умы как можно больше внешних знаний, хотя сама блестяще окончила университет и все царские дети получили прекрасное образование. Она ставила своей целью взрастить в своих любимых детях стремление к правде и чистоте, милосердие, умение сочувствовать, сострадать, облегчать чужое горе. Глядя на красоту и гармонию, которыми отмечены облики святых царственных страстотерпцев, мы видим благородство и человечность высоких христианских душ. Воспитание этих качеств да послужит образцом воспитания в каждой православной семье.

Одному пастырю наших дней было откровение: у нашего государя – Николая II есть своя книга. Как Книга Жизни у Господа, в которой записаны имена всех, кто спасется. Так у царской семьи – своя книга. Она в золотом окладе и украшена драгоценными камнями. В ней записаны их верноподданные. Все, кто им не изменил тогда, не отрекся от них и сейчас. И тех они никогда не оставят.

Когда мы перечитываем рассказы о детстве царственных мучеников, мы всё глубже понимаем, какой красоты душу вложил в каждого человека Господь. Ведь твоя душа, или душа твоих мамы и отца, брата и сестры... – любого на земле человека – дороже для Бога, чем вся Вселенная, со всеми её звёздами и цветами. Как же мы должны дорожить своей душой, душами своими детей, чтобы они не испачкались, не запятнали свою дивную красоту. Чтобы достойно предстали перед своим Творцом и Владыкой в главный наш час.

Чем больше мы вдумываемся в эти истории детства, тем отчетливее видим, как близка и дорога всем нам царская семья. Великих заступников и покровителей имеем мы на Небе. Государя и императрицу во все века на Святой Руси называли Батюшкой Царём и Матушкой Царицей. Ни в одной стране подобного невозможно было услышать. Государь, государыня и их дети, как при жизни своей, так и теперь, бесконечно любят свою Россию. Все мы – от мала до велика – продолжаем и сегодня оставаться для них самыми любимыми детьми.

Эта книга посвящается маленьким, юным и всем, кто останется детьми – до конца.

От составителя

Вольга и Микула

В стародавние времена землёй Русской правили князья киевские. Собирали они с народа дань-подать: и меха брали, и холсты, и рыбу, и деньги, и мёд. Посылали за всем этим по деревням своих слуг доверенных. И поехал однажды за данью по княжому приказу молодой Вольга Святославович со своим войском-дружиною.

Едут они чистым полем. Видят: пашет землю крестьянин – добрый молодец, силы непомерной; где ни пройдёт с сохой – огромные камни в кучу валит, пеньё-кореньё из земли выворачивает. Смотрит Вольга, любитесь. Поглядел и пахарь на Вольгу:

– Куда путь держишь, князь Вольга? Не за данью ли? Так знай: дорога впереди неспокойная, не встретить бы тебе по пути разбойников.

Испугался Вольга. Стал богатыря-пахаря просить:

– Поедем со мной, добрый молодец! Будешь мне помощником, товарищем.

Согласился пахарь-богатырь. Выпряг из сохи свою кобылку, уселся верхом. Прытко поскакала кобылка – едва поспекает за ней княжий конь. Отъехали они далеко от пашни. И говорит пахарь князю:

– Бросил я свою сошку на поле. А она людям, земледельцам нашим, ещё пригодиться может. Надо бы её из земли вытащить да под куст прибрать.

Послал Вольга пятерых своих дружинников – выдернуть сошку из земли, спрятать под ракитов куст. Тянули соху дружинники, тянули – не хватило сил, не вытянули! Послал Вольга ещё пятерых – и те не справились. Тяжёлая сошка у пахаря оказалась! И отправил Вольга всю свою дружину разом – крестьянскую соху из земли тянуть. Но и вся княжья дружина не смогла с сохой справиться.

Повернул тогда пахарь свою кобылку и сам к сохе поскакал. Подъехал, слез с кобылки, одной рукой за соху ухватился – и разом её из борозды выдернул. Изумился Вольга, спрашивает:

– Да кто ты, добрый молодец? Как зовут тебя, богатырь, по имени, как величают по отчеству?

И ответил пахарь Вольге:

– Простой крестьянин я, князь. Землю пашу. Хлебом Русь кормлю. А зовут меня Микула Селянинович.

Голубиная книга
Из литературного памятника Древней Руси

У нас белый вольный свет зачался
от Суда Божия.
Солнце красное от Лица Божиего,
Самого Христа, Царя Небесного;
Млад-светел месяц от грудей его,
Звезды частые от риз Божиих,
Ночи тёмные от дум Господних,
Зори утренни от очей Господних,
Ветры буйные от Свята Духа,
Дробен дождик от слёз Христа,
Самого Христа, Царя Небесного.

Исцеление Ильи Муромца

Жил в славном городе во Муроме, во селе Карачарове крестьянин Иван Тимофеевич. Хорошо жил, всего в доме было вдоволь. Да одно горе его мучило: сынок его любимый, Илеюшко, ходить не мог: с детства не служили ему ноги резвые. Сидел Илья сиднем на печке в избе родительской ровно тридцать лет.

Ушли раз родители его в поле на работу крестьянскую. А к Илье под окно старички нищие, калики перехожие, забрели. Прсят:

– Поддай нам, Илеюшко, милостыньку. Да напои нас пивком¹.

Зазвал их Илья в избу, говорит им:

– Подал бы я вам милостыньку и пивком напоил бы – у нас в доме всего много – да видите: я недвижим сижу!

Три раза просили его калики перехожие, три раза Илья им отказывал.

– Ты попробуй-ка, Илья, с печки слезть, – нищие говорят.

Потянулся Илья, спустил ноги с печи, встал на них – диво дивное! Пошли ноги по избе. Скорёхонько сходил Илья в другую горницу за деньгами, подаёт старичкам. А те не берут, говорят:

– Теперь принеси нам напиток пива сладкого.

И в погреб Илья сбегал – себя не помнит от радости, что поправился. Нацедил чашу пива сладкого, перед нищими поставил. А нищие попили да и говорят:

– Допивай, что в чаше осталось. Да вторую носи нам.

И из второй чаши они попили, а Илья опять остатки допил. И почувал он в себе здоровье богатырское, силу непомерную.

Говорят ему калики перехожие:

– Проси, чтобы отец тебе жеребёночка купил. Пои его речной водой, корми пшеницей белояровой, давай ему по траве на росах кататься, валяться. Вырастет у тебя богатырский конь, хозяину товарищ. Заведи себе палицу тяжёлую, латы богатырские, нож булатный. Могучим богатырём, Илья Муромец, станешь. И не бойся с врагом в поле встретиться: тебе в бою смерть не писана. А теперь иди в поле, расскажи родителям, что с тобою случилось.

И исчезли калики перехожие. Собрал Илья наскоро пищу, питьё и в поле побежал к родителям. Обрадовались родители, говорят:

– Поезжай, наше дитячко милое, в чисто поле, из чиста поля – в славный Киев-град. Низко кланяйся князю с княгинею, войску русскому, богатырям-товарищам. Обходись со всеми вежливо.

¹ Пиво – в Древней Руси – любое питьё. – *Сост.*

Всё сделал Илья, как калики перехожие его научили: коня себе богатырского выкормил, латы, оружие достал. Стал богатырём-великаном и отправился в Киев на службу к князю Владимиру. Ласково встретил его Владимир стольнокиевский.

– Ты чей, добрый молодец? Ты какого отца, какой матери?

Отвечает Илья:

– Я из города из Муром, из села я Карачарова, а зовусь я – Илья Муромец. Позволь мне, князь, в чисто поле съездить, набрать себе дружину храбую, друзей-товарищей.

Говорит ему Владимир Красно Солнышко:

– Поезжай ты во чисто поле, набирай себе дружину могучую. А оттуда приезжай ко мне на пир. Быть тебе старшим над всеми богатырями русскими.

Поехал Илья в чисто поле. Там в белых шатрах нашёл он и Добрыню Никитича, и Алёшеньку Поповича, и Дуная, и Чурилу, и Самсона Самойловича, и других богатырей.

Подружились с ним богатыри-товарищи. Поклонились они ему. Признали его самым сильным, самым храбрым из богатырей. Сотворил Илья Муромец многие подвиги для земли русской, победил и поганое идолище.

Величание земли Русской

О светло-светлая
и прекрасно украшенная,
земля Русская!
Многими красотами
прославлена ты:
озерами многими славишься,
реками и источниками местнотимыми,
горами, крутыми холмами,
высокими дубравами, чистыми полями,
дивными зверями, разнообразными
птицами,
бесчисленными городами великими,
селениями славными, садами
монастырскими,
храмами Божиими и князьями
грозными,
боярами честными, вельможами
многими.
Всем ты преисполнена, земля Русская,
О, правоверная вера христианская! ²

² Удивительное по силе и поэтичности описание Русской земли создано безвестным автором в XIII веке.

Родина Елена Ерофеева

Мне на тебя не наглядеться,
моя равнина и Россия
Щемяще солнце так уходит,
как будто в детстве.

И купы – купола ли облаков?
И дали безоглядные лесов —
земли и неба долгожданна встреча.
И тонкие березовые свечи.

Сирени облак розовеют,
как на иконе – в золотой воде.
Земля блаженна в отраженьях,
лиловая – в голубизне.

.....

Я часть твоя. Судьба ль крестила?!
Милее ты лишь в дали поднебесной.
Ты так красива и родима —
как только – в детстве.

Снежная королева. Сказка в семи рассказах Ганс Христиан Андерсен

Рассказ первый Зеркало и его осколки

Ну, начнём! Дойдя до конца нашей истории, мы будем знать больше, чем теперь. Так вот, жил-был тролль, злющий-презлющий; то был сам дьявол. Раз он был в особенно хорошем расположении духа: он смастерил такое зеркало, в котором всё доброе и прекрасное уменьшалось донельзя, всё же негодное и безобразное, напротив, выступало ещё ярче, казалось ещё хуже. Прелестнейшие ландшафты выглядели в нём варёным шпинатом, а лучшие из людей – уродами, или казалось, что они стоят кверху ногами, а животов у них вовсе нет! Лица искажались до того, что нельзя было и узнать их; случись же у кого на лице веснушка или родинка, они расплывались во всё лицо.

Диавола всё это ужасно потешало. Добрая, благочестивая человеческая мысль отражалась в зеркале невообразимой гримасой, так что тролль не мог не хохотать, радуясь своей выдумке. Все ученики тролля – у него была своя школа – рассказывали о зеркале как о каком-то чуде.

– Теперь только, – говорили они, – можно увидеть весь мир и людей в их настоящем свете!

И вот они бегали с зеркалом повсюду; скоро не осталось ни одной страны, ни одного человека, которые бы не отразились в нём в искажённом виде. Напоследок захотелось им добраться и до неба, чтобы посмеяться над Ангелами и Самим Творцом. Чем выше поднимались они, тем сильнее кривлялось и корчилось зеркало от гримас; они еле-еле удерживали его в руках. Но вот они поднялись ещё, и вдруг зеркало так перекошило, что оно вырвалось у них из рук, полетело на землю и разбилось вдребезги. Миллионы, биллионы его осколков наделали, однако, ещё больше бед, чем самоё зеркало. Некоторые из них были не больше песчинки, разлетелись по белу свету, попадали, случалось, людям в глаза и так там и оставались. Человек же с таким осколком в глазу начинал видеть всё навыворот или замечать в каждой вещи одни лишь дурные стороны – ведь каждый осколок сохранял свойство, которым отличалось самоё зеркало. Некоторым людям осколки попадали прямо в сердце, и это было хуже всего: сердце превращалось в кусок льда. Были между этими осколками и большие, такие, что их можно было вставить в оконные рамы, но уж в эти окна не стоило смотреть на своих добрых друзей. Наконец, были и такие осколки, которые пошли на очки, только беда была, если люди надевали их с целью смотреть на вещи и судить о них вернее! А злой тролль хохотал до колик, так приятно щекотал его успех этой выдумки. Но по свету летало ещё много осколков зеркала. Послушаем же про них.

Рассказ второй *Мальчик и девочка*

В большом городе, где столько домов и людей, что не всем и каждому удаётся отгородить себе хоть маленькое местечко для садика, и где поэтому большинству жителей приходится довольствоваться комнатными цветами в горшках, жили двое бедных детей, но у них был садик побольше цветочного горшка. Они не были в родстве, но любили друг друга, как брат и сестра. Родители их жили в мансардах смежных домов. Кровли домов почти сходились, а под выступами кровель шло по водосточному жёлобу, приходившемуся как раз под окошком каждой мансарды. Стоило, таким образом, шагнуть из какого-нибудь окошка на жёлоб, и можно было очутиться у окна соседей.

У родителей было по большому деревянному ящику, в них росли коренья и небольшие кусты роз – в каждом по одному, – осыпанные чудными цветами. Родителям пришло в голову поставить эти ящики на дно желобов; таким образом, от одного окна к другому тянулись словно две цветочные грядки. Горох спускался из ящиков зелёными гирляндами, розовые кусты заглядывали в окна и сплетались ветвями; образовалось нечто вроде триумфальных ворот из зелени и цветов. Так как ящики были очень высоки и дети твёрдо знали, что им нельзя карабкаться на них, то родители часто позволяли мальчику с девочкой ходить друг к другу по крыше в гости и сидеть на скамеечке под розами. И что за весёлые игры устраивали они тут!

Зимой это удовольствие прекращалось, окна зачастую покрывались ледяными узорами. Но дети нагревали на печке медные монеты и прикладывали их к замёрзшим стёклам – сейчас же оттаивало чудесное кругленькое отверстие, а в него выглядывал весёлый, ласковый глазок – это смотрели, каждый из своего окна, мальчик и девочка, Кай и Герда.

Летом они одним прыжком могли очутиться в гостях друг у друга, а зимой надо было сначала спуститься на много-много ступеней вниз, а затем подняться на столько же вверх. На дворе перепархивал снежок.

– Это роятся белые пчёлки! – говорила старушка бабушка.

– А у них тоже есть королева? – спрашивал мальчик; он знал, что у настоящих пчёл есть такая.

– Есть! – отвечала бабушка. – Снежинки окружают её густым роем, но она больше их всех и никогда не остаётся на земле – вечно носится на чёрном облаке. Часто по ночам пролетает она по городским улицам и заглядывает в окошки; вот оттого-то они и покрываются ледяными узорами, словно цветами!

– Видели, видели! – говорили дети и верили, что всё это сушая правда.

– А Снежная королева не может войти сюда? – спросила раз девочка.

– Пусть только попробует! – сказал мальчик. – Я посажу её на тёплую печку, вот она и растает!

Но бабушка погладила его по головке и завела разговор о другом.

Вечером, когда Кай был уже дома и почти совсем разделся, собираясь лечь спать, он вскарабкался на стул у окна и поглядел в маленький, оттаявший на оконном стекле кружочек. За окном порхали снежинки; одна из них, побольше, упала на край цветочного ящика и начала расти, расти, пока, наконец, не превратилась в женщину, укутанную в тончайший белый тюль, сотканный, казалось, из миллионов снежных звёздочек. Она была так прелестна, так нежна, вся из ослепительно белого льда и всё же живая! Глаза её сверкали, как звёзды, но в них не было ни теплоты, ни кротости. Она кивнула мальчику и поманила его рукой. Мальчуган испугался и прыгнул со стула; мимо окна промелькнуло что-то похожее на большую птицу.

На другой день был славный морозец, но затем сделалась оттепель, а там пришла и весна. Солнышко светило, цветочные ящики опять были все в зелени, ласточки вили под крышей

гнезда, окна растворили, и детям опять можно было сидеть в своём маленьком садике на крыше.

Розы цвели всё лето восхитительно. Девочка выучила псалом, в котором тоже говорилось о розах; девочка пела его мальчику, думая при этом о своих розах, и он подпевал ей:

Розы цветут... Красота, красота!
Скоро узрим мы Младенца Христа.

Дети пели, взявшись за руки, целовали розы, смотрели на ясное солнышко и разговаривали с ним – им чудилось, что с него глядел на них Сам Младенец Христос. Что за чудное было лето, и как хорошо было под кустами благоухающих роз, которые, казалось, должны были цвести вечно!

Кай и Герда сидели и рассматривали книжку с картинками – зверями и птицами; на больших башенных часах пробило пять.

– Ай! – вскрикнул вдруг мальчик. – Мне кольнуло прямо в сердце и что-то попало в глаз! Девочка обвила ручонкой его шею, он мигал, но в глазу ничего как будто не было.

– Должно быть, выскочило! – сказал он.

Но в том-то и дело, что нет. В сердце и в глаз ему попали два осколка дьявольского зеркала, в котором, как мы, конечно, помним, всё великое и доброе казалось ничтожным и гадким, а злое и дурное отражалось ещё ярче, дурные стороны каждой вещи выступали ещё резче. Бедняжка Кай! Теперь сердце его должно было превратиться в кусок льда! Боль в глазу и в сердце уже прошла, но сами осколки в них остались.

– О чём же ты плачешь? – спросил он Герду. – У! Какая ты сейчас безобразная! Мне совсем не больно! Фу! – закричал он вдруг. – Эту розу точит червь! А та совсем кривая! Какие гадкие розы! Не лучше ящиков, в которых торчат!

И он, толкнув ящик ногою, вырвал две розы.

– Кай, что ты делаешь? – закричала девочка, а он, увидев её испуг, вырвал ещё одну и убежал от миленькой маленькой Герды в своё окно.

Приносила ли после того ему девочка книжку с картинками – он говорил, что эти картинки хороши только для грудных ребят; рассказывала ли что-нибудь старушка бабушка – он придирался к словам.

Да если бы ещё только это! А то он дошёл до того, что стал передразнивать её походку, надевать её очки и подражать её голосу! Выходило очень похоже и смешило людей. Скоро мальчик научился передразнивать и всех соседей – он отлично умел выставить напоказ все их странности и недостатки, – и люди говорили:

– Что за голова у этого мальчугана!

А причиной всему были осколки зеркала, что попали ему в глаз и в сердце. Потому-то он передразнивал даже миленькую маленькую Герду, которая любила его всем сердцем. И забавы его стали теперь совсем иными, такими мудрёными. Раз зимою, когда шёл снежок, он явился с большим увеличительным стеклом и подставил под снег полу своей синей куртки.

– Погляди в стекло, Герда! – сказал он.

Каждая снежинка казалась под стеклом куда больше, чем была на самом деле, и походила на роскошный цветок или десятиугольную звезду. Чудо что такое!

– Видишь, как искусно сделано! – сказал Кай. – Это куда интереснее настоящих цветов! И какая точность! Ни единой неправильной линии! Ах, если бы они только не таяли!

Немного спустя Кай явился в больших рукавицах, с санками за спиной, крикнул Герде в самое ухо:

– Мне позволили покататься на большой площади с другими мальчиками! – и убежал.

На площади каталось множество детей. Те, что были смелее, привязывали свои санки к крестьянским саням и уезжали, таким образом, довольно далеко. Веселье так и кипело. В самый разгар его на площади появились большие сани, выкрашенные в белый цвет. В них сидел человек, весь ушедший в белую меховую шубу и такую же шапку. Сани объехали кругом площади два раза. Кай живо привязал к ним свои санки и покатил. Большие сани понеслись быстрее и затем свернули с площади в переулок. Сидевший в них человек обернулся и дружелюбно кивнул Каю, точно знакомому. Кай несколько раз порывался отвязать свои санки, но человек в шубе кивал ему, и он ехал дальше. Вот они выехали за городские ворота. Снег повалил вдруг хлопьями, стемнело так, что кругом не было видно ни зги. Мальчик поспешно отпустил верёвку, которою зацепился за большие сани, но санки его точно приросли к большим саням и продолжали нестись вихрем. Кай громко закричал – никто не услышал его! Снег валил, санки мчались, ныряя в сугробах, прыгая через изгороди и канавы. Кай весь дрожал, хотел прочесть «Отче наш», но в уме у него вертелась одна таблица умножения.

Снежные хлопья всё росли и обратились под конец в больших белых куриц. Вдруг они разлетелись в стороны, большие сани остановились, и сидевший в них человек встал. Это была высокая, стройная, ослепительно белая женщина – Снежная королева: и шуба, и шапка на ней были из снега.

– Славно проехались! – сказала она. – Но ты совсем замёрз? Полезай ко мне в шубу! – И, посадив мальчика к себе в сани, она завернула его в свою шубу. Кай словно опустился в снежный сугроб.

– Всё ещё мёрзнешь? – спросила она и поцеловала его в лоб. У! Поцелуй её был холоднее льда, пронизал его холодом насквозь и дошёл до самого сердца, а оно и без того уже было наполовину ледяным. Одну минуту Каю казалось, что вот-вот он умрет, но нет, напротив, стало легче, он даже совсем перестал зябнуть...

– Мои санки! Не забудь мои санки! – спохватился он.

И санки были привязаны на спину одной из белых куриц, которая и полетела с ними за большими санями. Снежная королева поцеловала Каю ещё раз, и он позабыл и Герду, и бабушку, и всех домашних.

– Больше я не буду целовать тебя! – сказала она. – А не то зацелую до смерти!

Кай взглянул на неё: она была так хороша! Более умного, прелестного лица он не мог себе и представить. Теперь она не казалась ему ледяною, как в тот раз, когда она стояла за окном и кивала ему головой; теперь она казалась ему совершенством. Он совсем не боялся её и рассказал ей, что знает все четыре действия арифметики, да ещё с дробями, знает, сколько в каждой стране квадратных миль и жителей, а она только улыбалась в ответ. И тогда ему показалось, что он и в самом деле знает мало, и он устремил свой взор в бесконечное воздушное пространство. В тот же миг Снежная королева взвилась с ним на тёмное свинцовое облако, и они понеслись вперёд. Буря выла и стонала, словно распевая старинные песни; они летели над лесами и озёрами, над морями и твёрдой землей; под ними дули холодные ветры, были волки, сверкал снег, летали с криком чёрные вороны, а над ними сиял большой ясный месяц. На него смотрел Кай всю долгую-долгую зимнюю ночь. Днём он спал у ног Снежной королевы.

Рассказ третий

Цветник женщины, умевшей колдовать

А что же было с Гердой, когда Кай не вернулся? Куда он девался? Никто не знал этого, никто не мог о нём ничего сообщить. Мальчики рассказали только, что видели, как он привязал свои санки к большим великолепным саням, которые потом свернули в переулочек и выехали за городские ворота. Никто не знал, куда он девался. Много было пролито о нём слез; горько и долго плакала Герда. Наконец порешили, что он умер, утонул в реке, протекавшей за городом. Долго тянулись мрачные зимние дни.

Но вот настала весна, выглянуло солнышко.

– Кай умер и больше не вернётся! – сказала Герда.

– Не верю! – отвечал солнечный свет.

– Он умер и больше не вернётся! – повторила она ласточкам.

– Не верим! – ответили они.

Под конец и сама Герда перестала этому верить.

– Надену-ка я свои новые красные башмачки – Кай ни разу ещё не видал их, – сказала она однажды утром, – да пойду к реке спросить про него.

Было ещё очень рано. Она поцеловала спящую бабушку, надела красные башмачки и побежала одна-одинёшенька за город, прямо к реке.

– Правда, что ты взяла моего названного братца? Я подарю тебе свои красные башмачки, если ты отдашь мне его назад!

И девочке почудилось, что волны как-то странно кивают ей; тогда она сняла свои красные башмачки, первую свою драгоценность, и бросила их в реку. Но они упали как раз у берега, и волны сейчас же вынесли их на сушу – река как будто не хотела брать у девочки её драгоценность, так как не могла вернуть ей Кая. Девочка же подумала, что бросила башмачки не очень далеко, влезла в лодку, качавшуюся в тростнике, стала на самый краешек кормы и опять бросила башмаки в воду. Лодка не была привязана и оттолкнулась от берега. Девочка хотела поскорее выпрыгнуть на сушу, но, пока пробиралась с кормы на нос, лодка уже отошла от берега на целый аршин и быстро понеслась по течению.

Герда ужасно испугалась и принялась плакать и кричать, но никто, кроме воробьёв, не слышал её криков; воробьи же не могли перенести её на сушу и только летели за ней вдоль берега да щебетали, словно желая её утешить: «Мы здесь! Мы здесь!»

Лодку уносило всё дальше; Герда сидела смирно, в одних чулках; красные башмачки её плыли за лодкой, но не могли догнать её. Берега реки были очень красивы: повсюду виднелись чудеснейшие цветы, высокие раскидистые деревья, луга, на которых паслись овцы и коровы, – но нигде не было видно ни одной человеческой души. «Может быть, река несёт меня к Каю?» – подумала Герда, повеселела, встала на нос и долго-долго любовалась красивыми зелёными берегами. Но вот она приплыла к большому вишнёвому саду, в котором приютился домик с цветными стёклами в окошках и соломенной крышей. У дверей стояли два деревянных солдата и отдавали ружьями честь всем, кто проплывал мимо.

Герда закричала им – она приняла их за живых, – но они, понятно, не ответили ей. Вот она подплыла к ним ещё ближе, лодка подошла чуть не к самому берегу, и девочка закричала ещё громче. Из домика вышла, опираясь на клюку, старая-престарая старушка в большой соломенной шляпе, расписанной чудесными цветами.

– Ах ты, бедная крошка! – сказала старушка. – Как это ты попала на такую большую быструю реку да забралась так далеко?

С этими словами старушка вошла в воду, зацепила лодку своею клюкой, притянула её к берегу и высадила Герду. Герда была рада-радешенька, что очутилась, наконец, на суше, хоть и побаивалась чужой старухи.

– Ну, пойдём, да расскажи мне, кто ты и как сюда попала, – сказала старушка.

Герда стала рассказывать ей обо всём, а старушка покачивала головой и повторяла: «Гм! Гм!» Но вот девочка кончила и спросила старуху, не видала ли она Кая. Та ответила, что он ещё не проходил тут, но, верно, пройдёт, так что девочке пока не о чем горевать – пусть лучше попробует вишен да полюбуется цветами, что растут в саду: они красивее нарисованных в любой книжке с картинками и все умеют рассказывать сказки! Тут старушка взяла Герду за руку, увела к себе в домик и заперла дверь на ключ.

Окна были высоко от пола и все из разноцветных – красных, голубых и жёлтых – стеклышек; от этого и сама комната была освещена каким-то удивительным ярким, радужным светом. На столе стояла корзинка со спелыми вишнями, и Герда могла есть их сколько душе угодно; пока же она ела, старушка расчёсывала ей волосы золотым гребешком. Волосы вились, и кудри окружали свеженькое, круглое, словно роза, личико девочки золотым сиянием.

– Давно мне хотелось иметь такую миленькую девочку! – сказала старушка. – Вот увидишь, как ладно мы заживём с тобою!

И она продолжала расчёсывать кудри девочки, и чем дольше чесала, тем больше Герда забывала своего названного братца Кая – старушка умела колдовать. Она не была злою колдуньей и колдовала только изредка, для своего удовольствия; теперь же ей очень захотелось оставить у себя Герду. И вот она пошла в сад, дотронулась своей клюкой до всех розовых кустов, и те, как стояли в полном цвету, так все и ушли глубокоглубоко в землю, и следа от них не осталось. Старушка боялась, что Герда при виде её роз вспомнит о своих, а там и о Кае, да и убежит.

Сделав своё дело, старушка повела Герду в цветник. У девочки и глаза разбежались: тут были цветы всех сортов, всех времён года. Что за красота, что за благоухание! Во всём свете не сыскать было книжки с картинками пестрее, красивее этого цветника. Герда прыгала от радости и играла среди цветов, пока солнце не село за высокими вишнёвыми деревьями. Тогда её уложили в чудесную постельку с красными шёлковыми перинками, набитыми голубыми фиалками; девочка заснула, и ей снились такие сны, какие видит разве только королева в день своей свадьбы.

На другой день Герде опять позволили играть на солнышке. Так прошло много дней. Герда знала каждый цветочек в саду, но как ни много их было, ей всё-таки казалось, что какого-то недостает, только какого же? Раз она сидела и рассматривала соломенную шляпу старушки, расписанную цветами; самым красивым из них была как раз роза – старушка забыла её стереть. Вот что значит рассеянность!

– Как! Тут нет роз? – сказала Герда и сейчас же побежала искать их по всему саду. – Нет ни одной!

Тогда девочка опустила на землю и заплакала. Тёплые слезы упали как раз на то место, где стоял прежде один из розовых кустов, и как только они смочили землю – куст мгновенно вырос из неё, такой же свежий, цветущий, как прежде. Герда обвила его ручонками, принялась целовать розы и вспомнила о тех чудных розах, что цвели у неё дома, а вместе с тем и о Кае.

– Как же я замешкалась! – сказала девочка. – Мне ведь надо искать Кая!.. Не знаете ли вы, где он? – спросила она у роз. – Верите ли вы тому, что он умер и не вернётся больше?

– Он не умер! – сказали розы. – Мы ведь были под землёю, где лежат все умершие, но Кая меж ними не было.

– Спасибо вам! – сказала Герда и пошла к другим цветам, заглядывала в их чашечки и спрашивала: – Не знаете ли вы, где Кай?

Но каждый цветок грелся на солнышке и думал только о собственной своей сказке или истории; их наслушалась Герда много, но ни один из цветов не сказал ни слова о Кае.

Наконец Герда пошла к золотому одуванчику, сиявшему в блестящей зелёной траве.

– Ты, маленькое ясное солнышко! – сказала ему Герда. – Скажи, не знаешь ли ты, где мне искать моего названного братца?

Одуванчик засиял ещё ярче и взглянул на девочку. Какую же песенку спел он ей? Увы! И в этой песенке ни слова не говорилось о Кае!

– Ранняя весна; на маленький дворик приветливо светит ясное солнышко. Ласточки выются возле белой стены, примыкающей ко двору соседей. Из зелёной травки выглядывают первые жёлтенькие цветочки, сверкающие на солнышке, словно золотые. На двор вышла посидеть старушка бабушка; вот пришла из гостей её внучка, бедная служанка, и крепко целует старушку. Поцелуй девушки дороже золота – он идёт прямо от сердца. Золото на её губах, золото в её сердечке. Вот и всё! – сказал одуванчик.

– Бедная моя бабушка! – вздохнула Герда. – Как она скучает обо мне, как горюет! Не меньше, чем горевала о Кае! Но я скоро вернусь и приведу его с собой. Нечего больше и спрашивать цветы – от них ничего не добьёшься, они знают только свои песенки!

И она побежала из сада.

Дверь была заперта лишь на задвижку; Герда дёрнула ржавый засов, он подался, дверь отворилась, и девочка так, босоножкой, пустилась бежать по дороге! Раза три оглядывалась она назад, но никто не гнался за нею. Наконец она устала, присела на камень и огляделась кругом: лето уже прошло, на дворе стояла поздняя осень, а в чудесном саду старушки, где вечно сияло солнышко и цвели цветы всех времён года, этого не было заметно!

– Господи! Как же я замешкалась! Ведь уж осень на дворе! Тут не до отдыха! – сказала Герда и опять пустилась в путь.

Ах, как болели её бедные усталые ножки! Как холодно, сыро было в воздухе! Листья на ивах совсем пожелтели, туман оседал на них крупными каплями и стекал на землю; листья так и сыпались. Один терновник стоял весь покрытый вяжущими, терпкими ягодами. Каким серым, унылым казался весь белый свет!

Рассказ четвёртый

Принц и принцесса

Пришлось Герде опять присесть отдохнуть. На снегу прямо перед ней прыгал большой ворон; он долго-долго смотрел на девочку, кивая ей головою, и, наконец, заговорил:

– Кар-кар! Здр-р-равствуй!

Чище этого он выговаривать по-человечески не мог, но, видимо, желал девочке добра и спросил её, куда это она бредёт по белу свету одна-одинёшенька. Слова «одна-одинёшенька» Герда поняла отлично и сразу почувствовала всё их значение. Рассказав ворону всю свою жизнь, девочка спросила, не видал ли он Кая.

Ворон задумчиво покачал головой и сказал:

– Может быть, может быть!

– Как? Правда? – воскликнула девочка и чуть не задушила ворона поцелуями.

– Потихе, потихе! – сказал ворон. – Я думаю, что это был твой Кай! Но теперь он, верно, забыл тебя со своей принцессой!

– Разве он живёт у принцессы? – спросила Герда.

– А вот послушай! – сказал ворон. – Только мне ужасно трудно говорить по-вашему! Вот если бы ты понимала по-вороньи, я рассказал бы тебе обо всём куда лучше.

– Нет, этому меня не учили! – сказала Герда. – Бабушка – та понимает! Хорошо бы и мне уметь!

– Ну, ничего! – сказал ворон. – Расскажу, как сумею, хоть и плохо.

И он рассказал обо всём, что только сам знал.

– В королевстве, где мы с тобой находимся, есть принцесса, такая умница, что и сказать нельзя! Она прочла все газеты на свете и уже позабыла всё, что прочла, – вот какая умница! Раз как-то сидела она на троне – а веселья-то в этом ведь не много, как говорят люди, – и напевала песенку: «Отчего же мне не выйти замуж?» – «А ведь и в самом деле!» – подумала она, и ей захотелось замуж. Но в мужья она хотела выбрать себе такого человека, который бы сумел отвечать, когда с ним заговорят, а не такого, что умел бы только важничать, – это ведь так скучно! И вот созвали барабанным боем всех придворных, да и объявили им волю принцессы. Все они были очень довольны и сказали: «Вот это нам нравится! Мы и сами недавно об этом думали!» Всё это истинная правда! – прибавил ворон. – У меня при дворе есть невеста, она ручная, разгуливает по дворцу, – от неё-то я и знаю всё это.

Невестою его была ворона – каждый ведь ищет жену себе под стать.

На другой день все газеты вышли с каймой из сердец и с вензелями принцессы. В газетах было объявлено, что каждый молодой человек приятной внешности может явиться во дворец и побеседовать с принцессой; того же, кто будет держать себя вполне свободно, как дома, и окажется всех красноречивее, принцесса изберёт себе в мужья! Да, да! – повторил ворон. – Всё это так же верно, как то, что я сижу здесь перед тобою! Народ повалил во дворец валом, пошла давка и толкотня, но толку не вышло никакого, ни в первый, ни во второй день. На улице все женихи говорили отлично, но стоило им перешагнуть дворцовый порог, увидеть гвардию, всю в серебре, а лакеев в золоте и вступить в огромные, залитые светом залы, как их брала оторопь. Подступят к трону, где сидит принцесса, да и повторяют только её последние слова, а ей вовсе не это было нужно! Право, их всех точно опаивали дурманом! А вот выйдя за ворота, они опять обретали дар слова. От самых ворот до дверей дворца тянулся длинный-длинный хвост женихов. Я сам был там и видел! Женихам хотелось есть и пить, но из дворца им не выносили даже стакана воды. Правда, кто был поумнее, запасся бутербродами, но и они уже не делились с соседями, думая про себя: «Пусть себе поголодают, отощавут – принцесса и не возьмёт их!»

– Ну, а Кай-то, Кай? – спросила Герда. – Когда же он явился? И он пришёл свататься?

– Постой! Постой! Теперь мы как раз дошли и до него! На третий день явился небольшой человечек, не в карете, не верхом, а просто пешком, и прямо вошёл во дворец. Глаза его блестели, как твои; волосы у него были длинные, но одет он был бедно.

– Это Кай! – обрадовалась Герда. – Так я нашла его! – и она захлопала в ладоши.

– За спиной у него была котомка! – продолжал ворон.

– Нет, это, верно, были его саночки! – сказала Герда. – Он ушёл из дома с санками!

– Очень возможно! – сказал ворон. – Я не разглядел хорошенько. Так вот, моя невеста рассказывала мне, что, войдя в дворцовые ворота и увидав гвардию в серебре, а на лестницах лакеев в золоте, он ни капельки не смутился, кивнул головой и сказал: «Скучненько, должно быть, стоять тут, на лестнице, я лучше войду в комнаты!» Залы все были залиты светом; вельможи расхаживали без сапог, разнося золотые блюда, – торжественнее уж нельзя было! А его сапоги так и скрипели, но он и этим не смущался.

– Это, наверно, Кай! – воскликнул Герда. – Я знаю, что на нём были новые сапоги! Я сама слышала, как они скрипели, когда он приходил к бабушке!

– Да, они таки скрипели порядком! – продолжал ворон. – Но он смело подошёл к принцессе; она сидела на жемчужине величиною с колесо прялки, а кругом стояли придворные дамы и кавалеры со своими горничными, служанками горничных, камердинерами, слугами камердинеров и прислужником камердинерских слуг. Чем дальше кто стоял от принцессы и ближе к дверям, тем важнее, надменнее держал себя. На прислужника камердинерских слуг, стоявшего в самых дверях, нельзя было и взглянуть без страха, такой он был важный!

– Вот страх-то! – сказала Герда. – А Кай всё-таки женился на принцессе?

– Не будь я вороном, я бы сам женился на ней, хоть я и помолвлен. Он вступил с принцессой в беседу и говорил так же хорошо, как я, когда говорю по-вороньи, – так, по крайней мере, сказала мне моя невеста. Держался он вообще очень свободно и мило и заявил, что пришёл не свататься, а только послушать умные речи принцессы. Ну и вот, она ему понравилась, он ей тоже!

– Да, да, это Кай! – сказала Герда, – Он ведь такой умный! Он знал все четыре действия арифметики, да ещё с дробями! Ах, проводи же меня во дворец!

– Легко сказать, – ответил ворон, – да как это сделать? Постой, я поговорю с моею невестой, она что-нибудь придумает и посоветует нам. Ты думаешь, что тебя вот так прямо и впустят во дворец? Как же, не очень-то впускают таких девочек!

– Меня впустят! – сказала Герда. – Только бы Кай услышал, что я тут, сейчас бы прибежал за мною!

– Подожди меня тут, у решётки! – сказал ворон, тряхнул головой и улетел.

Вернулся он уже совсем под вечер и закаркал:

– Кар, кар! Моя невеста шлёт тебе тысячу поклонов и вот этот маленький хлебец. Она стащила его в кухне – там их много, а ты, верно, голодна!.. Ну, во дворец тебе не попасть: ты ведь босая – гвардия в серебре и лакеи в золоте ни за что не пропустят тебя. Но не плачь, ты всё-таки попадешь туда. Невеста моя знает, как пройти в спальню принцессы с чёрного хода, и знает, где достать ключ.

И вот они вошли в сад, пошли по длинным аллеям, усыпанным пожелтевшими осенними листьями, и когда все огоньки в дворцовых окнах погасли один за другим, ворон провёл девочку в маленькую полуотворённую дверцу.

О, как билось сердечко Герды от страха и радостного нетерпения! Она точно собиралась сделать что-то дурное, а ведь она только хотела узнать, не здесь ли её Кай! Да, да, он, верно, здесь! Она так живо представляла себе его умные глаза, длинные волосы, улыбку... Как он улыбался ей, когда они, бывало, сидели рядышком под кустами роз! А как обрадуется он теперь, когда увидит её, услышит, на какой длинный путь решилась она ради него, узнает, как гоняли о нём все домашние! Ах, она была просто вне себя от страха и радости.

Но вот они на площадке лестницы; на шкафу горела лампа, а на полу сидела ручная ворона и осматривалась по сторонам. Герда присела и поклонилась, как учила её бабушка.

– Мой жених рассказывал мне о вас столько хорошего, фрекен! – сказала ручная ворона. – Ваша vita³ – как это принято выражаться – также очень трогательна! Не угодно ли вам взять лампу, а я пойду вперёд. Мы пойдём прямою дорогой, тут мы никого не встретим!

– А мне кажется, кто-то идёт за нами! – сказала Герда, и в ту же минуту мимо неё с лёгким шумом промчались какие-то тени: лошади с развевающимися гривами и тонкими ногами, охотники, дамы и кавалеры верхами.

– Это сны! – сказала ручная ворона. – Они являются сюда, чтобы мысли высоких особ унеслись на охоту. Тем лучше для нас – удобнее будет рассмотреть спящих! Надеюсь, однако, что, войдя в честь, вы покажете, что у вас благодарное сердце!

– Есть о чём тут и говорить! Само собою разумеется! – сказал лесной ворон.

Тут они вошли в первую залу, всю обтянутую розовым атласом, затканым цветами. Мимо девочки опять пронеслись сны, но так быстро, что она не успела и рассмотреть всадников. Одна зала была великолепнее другой – просто оторопь брала. Наконец они дошли до спальни: потолок напоминал верхушку огромной пальмы с драгоценными хрустальными листьями; с середины его спускался толстый золотой стебель, на котором висели две кровати в виде лилий. Одна была белая, в ней спала принцесса, другая – красная, и в ней Герда надеялась найти Кая. Девочка слегка отогнула один из красных лепестков и увидела тёмно-русый затылок. Это Кай! Она громко назвала его по имени и поднесла лампу к самому его лицу. Сны с шумом умчались прочь; принц проснулся и повернул голову... Ах, это был не Кай!

Принц походил на него только с затылка, но был так же молод и красив. Из белой лилии выглянула принцесса и спросила, что случилось. Герда заплакала и рассказала всю свою историю, упомянув и о том, что сделали для неё вороны.

– Ах ты, бедняжка! – сказали принц и принцесса, похвалили ворон, объявили, что ничуть не гневаются на них – только пусть они не делают этого впредь, – и захотели даже наградить их.

– Хотите быть вольными птицами? – спросила принцесса. – Или желаете занять должность придворных ворон, на полном содержании из кухонных остатков?

Ворон с вороной поклонились и попросили должности при дворе, – они подумали о старости и сказали:

– Хорошо ведь иметь верный кусок хлеба на старости лет!

Принц встал и уступил свою постель Герде; больше он пока ничего не мог для неё сделать. А она сложила ручонки и подумала: «Как добры все люди и животные!» – закрыла глазки и сладко заснула. Сны опять прилетели в спальню, но теперь они были похожи на Божиих Ангелов и везли на маленьких саночках Кая, который кивал Герде головою. Увы! Всё это было лишь во сне и исчезло, как только девочка проснулась.

На другой день её одели с ног до головы в шёлк и бархат и позволили ей оставаться во дворце, сколько она пожелает. Девочка могла жить да поживать тут припеваючи, но она прогостила всего несколько дней и стала просить, чтобы ей дали повозку с лошастью и пару башмаков, – она опять хотела пуститься разыскивать по белу свету своего названного брата.

Ей дали и башмаки, и муфту, и чудесное платье, а когда она простилась со всеми, к воротам подъехала золотая карета с сияющими, как звёзды, гербами принца и принцессы; у кучера, лакеев и фореяторов – ей дали и фореяторов – красовались на головах маленькие золотые короны. Принц и принцесса сами усадили Герду в карету и пожелали ей счастливого пути. Лесной ворон, который уже успел жениться, провожал девочку первые три мили и сидел в карете рядом с нею – он не мог ехать к лошадям спиной. Ручная ворона сидела на воротах и хлопала крыльями. Она не поехала провожать Герду, потому что страдала головными болями с

³ Жизнь (лат.).

тех пор, как получила должность при дворе и слишком много ела. Карета битком была набита сахарными крендельками, а ящик под сиденьем – фруктами и пряниками.

– Прощай! Прощай! – закричали принц и принцесса.

Герда заплакала, ворона тоже. Так проехали они первые три мили. Тут простился с девочкой и ворон. Тяжёлое было расставание! Ворон взлетел на дерево и махал черными крыльями до тех пор, пока карета, сиявшая, как солнце, не скрылась из виду.

Рассказ пятый

Маленькая разбойница

Вот Герда въехала в тёмный лес, но карета блестела, как солнце, и сразу бросилась в глаза разбойникам. Они не выдержали и налетели на неё с криками: «Золото! Золото!» Схватили лошадей под уздцы, убили маленьких фореиторов, кучера и слуг и вытащили из кареты Герду.

– Ишь, какая славненькая, жирненькая. Орешками откормлена! – сказала старуха разбойница с длинной жёсткой бородой и мохнатыми нависшими бровями. – Жирненькая, что твой барашек! Ну-ка, какова на вкус будет?

И она вытащила острый сверкающий нож. Вот ужас!

– Ай! – закричала она вдруг: её укусила за ухо её собственная дочка, которая сидела у неё за спиной и была такая необузданная и своевольная, что любо!

– Ах ты, дрянная девчонка! – закричала мать, но убить Герду не успела.

– Она будет играть со мной! – сказала маленькая разбойница. – Она отдаст мне свою муфту, своё хорошенькое платьице и будет спать со мной в моей постельке.

И девочка опять так укусила мать, что та подпрыгнула и завертелась на одном месте.

Разбойники захохотали:

– Ишь, как скачет со своей девчонкой!

– Я хочу сесть в карету! – закричала маленькая разбойница и настояла на своём – она была ужасно избалована и упряма.

Они уселись с Гердой в карету и помчались по пням и по кочкам в чащу леса. Маленькая разбойница была ростом с Герду, но сильнее, шире в плечах и гораздо смуглее. Глаза у неё были совсем чёрные, но какие-то печальные.

Она обняла Герду и сказала:

– Они тебя не убьют, пока я не рассержусь на тебя! Ты, верно, принцесса?

– Нет! – отвечала девочка и рассказала, что пришлось ей испытать и как она любит Кая.

Маленькая разбойница серьёзно поглядела на неё, слегка кивнула головой и сказала:

– Они тебя не убьют, даже если я рассержусь на тебя, – я лучше сама убью тебя!

И она отёрла слёзы Герде, а потом спрятала обе руки в её хорошенькую, мягкую и тёплую муфточку.

Вот карета остановилась: они въехали во двор разбойничьего замка. Он был весь в огромных трещинах; из них вылетали вороны и вороны; откуда-то выскочили огромные бульдоги и смотрели так свирепо, точно хотели всех съесть, но лаять не лаяли – это было запрещено.

Посреди огромной залы с полуразвалившимися, покрытыми копотью стенами и каменным полом пылал огонь; дым поднимался к потолку и сам должен был искать себе выход. Над огнём кипел в огромном котле суп, а на вертелах жарились зайцы и кролики.

– Ты будешь спать вместе со мной вот тут, возле моего маленького зверинца! – сказала Герде маленькая разбойница.

Девочек накормили, напоили, и они ушли в свой угол, где была постлана солома, накрытая коврами. Повыше сидело на жёрдочках больше сотни голубей; все они, казалось, спали, но когда девочки подошли, слегка зашевелились.

– Все мои! – сказала маленькая разбойница, схватила одного голубя за ноги и так трянула его, что тот забил крыльями. – На, поцелуй его! – крикнула она, ткнув голубя Герде прямо в лицо. – А вот тут сидят лесные плутишки! – продолжала она, указывая на двух голубей, сидевших в небольшом углублении в стене, за деревянную решёткой. – Эти двое – лесные плутишки! Их надо держать взаперти, не то живо улетят! А вот и мой милый старичина башка! – И девочка потянула за рога привязанного к стене северного оленя в блестящем медном ошей-

нике. – Его тоже нужно держать на привязи, иначе удерёт! Каждый вечер я щекочу его под шеей своим острым ножом – он смерть этого боится!

С этими словами маленькая разбойница вытащила из расщелины в стене длинный нож и провела им по шее оленя. Бедное животное забрыкалось, а девочка захохотала и потащила Герду к постели.

– Разве ты спишь с ножом? – спросила её Герда, покосившись на острый нож.

– Всегда! – отвечала маленькая разбойница. – Как знать, что может случиться! Но расскажи мне ещё раз о Кае и о том, как ты пустилась странствовать по белу свету!

Герда рассказала. Лесные голуби в клетке тихо ворковали; другие голуби уже спали; маленькая разбойница обвила одной рукой шею Герды – в другой у неё был нож – и захрапела, но Герда не могла сомкнуть глаз, не зная, убьют её или оставят в живых. Разбойники сидели вокруг огня, пели песни и пили, а старуха разбойница кувыркалась. Страшно было глядеть на это бедной девочке.

Вдруг лесные голуби проворковали:

– Кур-р! Кур-р! Мы видели Кая! Белая курица несла на спине его санки, а он сидел в санях Снежной королевы. Они летели над лесом, когда мы, птенчики, ещё лежали в гнезде; она дохнула на нас, и все умерли, кроме нас двоих! Кур-р! Кур-р!

– Что вы говорите? – воскликнула Герда. – Куда же полетела Снежная королева?

– Она полетела, наверно, в Лапландию – там ведь вечный снег и лёд! Спроси у северного оленя, что стоит тут на привязи!

– Да, там вечный снег и лёд, чудо как хорошо! – сказал северный олень. – Там прыгаешь себе на воле по бескрайним сверкающим ледяным равнинам! Там раскинут летний шатёр Снежной королевы, а постоянные её чертоги – у Северного полюса, на острове Шпицберген!

– О Кай, мой милый Кай! – вздохнула Герда.

– Лежи смирно! – сказала маленькая разбойница. – Не то я пырну тебя ножом!

Утром Герда рассказала ей, что слышала от лесных голубей. Маленькая разбойница серьёзно посмотрела на Герду, кивнула головой и сказала:

– Ну, так и быть!.. А ты знаешь, где Лапландия? – спросила она затем у северного оленя.

– Кому же и знать, как не мне! – ответил олень, и глаза его заблестели. – Там я родился и вырос, там прыгал по снежным равнинам!

– Так слушай! – сказала Герде маленькая разбойница. – Видишь, все наши ушли; дома одна мать; немного погодя она хлебнёт из большой бутылки и вздремнёт – тогда я кое-что сделаю для тебя!

Тут девочка вскочила с постели, обняла мать, дёрнула её за бороду и сказала:

– Здравствуй, мой маленький козлик!

А мать надавала ей по носу щелчков, нос у девочки покраснел и посинел, но всё это делалось любя.

Потом, когда старуха хлебнула из своей бутылки и захрапела, маленькая разбойница подошла к северному оленю и сказала:

– Ещё долго-долго можно было бы потешаться над тобой! Уж больно ты бываешь уморительным, когда тебя щекочат острым ножом! Ну, да так и быть! Я отвяжу тебя и выпущу на волю. Ты можешь убежать в свою Лапландию, но должен за это отнести к дворцу Снежной королевы вот эту девочку – там её названный братец. Ты ведь, конечно, слышал, что она рассказывала? Она говорила довольно громко, а у тебя вечно ушки на макушке.

Северный олень подпрыгнул от радости. Маленькая разбойница посадила на него Герду, крепко привязала её, ради осторожности, и подсунула под неё мягкую подушечку, чтобы ей удобнее было сидеть.

– Так и быть, – сказала она затем, – возьми назад свои меховые сапожки – будет ведь холодно! А муфту уж я оставлю себе, больно она хороша! Но мёрзнуть я тебе не дам; вот

огромные матушкины рукавицы, они дойдут тебе до самых локтей! Сунь в них руки! Ну вот, теперь руки у тебя, как у моей безобразной матушки!

Герда плакала от радости.

– Терпеть не могу, когда хнычут! – сказала маленькая разбойница. – Теперь тебе надо смотреть весело! Вот тебе ещё два хлеба и окорок! Что? Небось, не будешь голодать!

И то и другое было привязано к оленю. Затем маленькая разбойница отворила дверь, заманила собак в дом, перерезала своим острым ножом верёвку, которой был привязан олень, и сказала ему:

– Ну, живо! Да береги смотри девчонку!

Герда протянула маленькой разбойнице обе руки в огромных рукавицах и попрощалась с нею. Северный олень пустился во всю прыть через пни и кочки по лесу, по болотам и степям. Волки выли, вороны каркали, а небо вдруг зафукало и выбросило столбы огня.

– Вот моё родное северное сияние! – сказал олень. –гляди, как горит!

И он побежал дальше, не останавливаясь ни днём, ни ночью. Хлебы были съедены, ветчина тоже, и вот Герда очутилась в Лапландии.

Рассказ шестой

Лапландка и финка

Олень остановился у жалкой избушки; крыша спускалась до самой земли, а дверь была такая низенькая, что людям приходилось проползать в неё на четвереньках. Дома была одна старуха-лапландка, жарившая при свете жировой лампы рыбу. Северный олень рассказал лапландке всю историю Герды, но сначала рассказал свою собственную – она казалась ему гораздо важнее. Герда же так ооченела от холода, что и говорить не могла.

– Ах вы, бедняги! – сказала лапландка. – Долгий же вам ещё предстоит путь! Придётся сделать сто миль с лишком, пока доберётесь до Финмарка, где Снежная королева живёт на даче и каждый вечер зажигает голубые бенгальские огни. Я напишу пару слов на сушёной треске – бумаги у меня нет, – а вы снесёте её финке, которая живёт в тех местах и лучше моего сумеет научить вас, что надо делать.

Когда Герда согрелась, поела и попила, лапландка написала пару слов на сушёной треске, велела Герде хорошенько беречь её, потом привязала девочку к спине оленя, и тот снова помчался. Небо опять фукало и выбрасывало столбы чудесного голубого пламени. Так добежал олень с Гердой и до Финмарка и постучался в дымовую трубу финки – у неё и дверей-то не было.

Ну и жара стояла в её жильё! Финка живо стащила с Герды всё: платье, рукавицы и сапоги – иначе девочке было бы чересчур жарко, положила оленю на голову кусок льда и затем принялась читать то, что было написано на сушёной треске. Она прочла всё от слова до слова три раза, пока не заучила наизусть, и потом сунула треску в котёл – рыба ведь годилась в пищу, а у финки ничего даром не пропадало.

Тут олень рассказал сначала свою историю, а потом историю Герды. Финка мигала своими умными глазками, но не говорила ни слова.

– Ты такая мудрая женщина! – сказал олень. – Не изобразишь ли ты для девочки такого питья, которое бы дало ей силу двенадцати богатырей? Тогда бы она одолела Снежную королеву!

– Силу двенадцати богатырей! – сказала финка. – Да много ли в этом толку?!

С этими словами она взяла с полки большой кожаный свиток и развернула его: на нём стояли какие-то удивительные письма; финка принялась читать их и читала до того, что её пот прошиб.

Олень опять принялся просить за Герду, а сама Герда смотрела на финку такими умоляющими, полными слез глазами, что та опять заморгала, отвела оленя в сторону и, меняя ему на голове лёд, шепнула:

– Кай в самом деле у Снежной королевы, но он вполне доволен и думает, что лучше ему нигде и быть не может. Причиной же всему осколки зеркала, что сидят у него в сердце и в глазу. Их надо удалить, иначе он никогда не будет человеком, и Снежная королева сохранит над ним свою власть.

– Но не сможешь ли ты Герде как-нибудь уничтожить эту власть?

– Сильнее, чем она есть, я не могу её сделать. Не видишь разве, как велика её сила? Не видишь, что ей служат и люди и животные? Ведь она босая обошла полсвета! Не у нас занимать ей силу! Сила – в её милом, невинном детском сердечке. Если она сама не сможет проникнуть в чертоги Снежной королевы и извлечь из сердца Кая осколки, то мы и подавно ей не поможем! В двух милях отсюда начинается сад Снежной королевы. Отнеси туда девочку, опусти у большого куста, покрытого красными ягодами, и, не мешкая, возвращайся обратно!

С этими словами финка посадила Герду на спину оленя, и тот бросился бежать со всех ног.

– Ай, я без тёплых сапог! Ай, я без рукавиц! – закричала Герда, очутившись на морозе.

Но олень не посмел остановиться, пока не доберется до куста с красными ягодами; тут он опустил девочку, поцеловал ее в самые губы, и из глаз его покатались крупные блестящие слёзы. Затем он стрелой пустился назад. Бедная девочка осталась одна-одинёшенька на трескучем морозе, без башмаков, без рукавиц.

Она побежала вперёд что было мочи; навстречу ей нёсся целый полк снежных хлопьев, но они не падали с неба – небо было совсем ясное, и на нём пылало северное сияние, – нет, они бежали по земле прямо на Герду и по мере приближения становились всё крупнее и крупнее. Герда вспомнила большие красивые хлопья под увеличительным стеклом, но эти были куда больше, страшнее самых удивительных видов и форм и все живые. Это были передовые отряды войска Снежной королевы. Одни напоминали собой больших безобразных ежей, другие – стоглавых змей, третьи – толстых медвежат с взъерошенною шерстью. Но все они одинаково сверкали белизной, все были живыми снежными хлопьями.

Герда начала читать «Отче наш»; было так холодно, что дыхание девочки сейчас же превращалось в густой туман. Туман этот всё сгущался и сгущался, но вот из него начали выделяться маленькие светлые Ангелочки, которые, ступив на землю, вырастали в больших грозных Ангелов со шлемами на головах и копьями и щитами в руках. Число их всё прибывало, и когда Герда окончила молитву, вокруг неё образовался уже целый легион. Ангелы приняли снежных страшилищ на копья, и те рассыпались на тысячи снежинок. Герда могла теперь смело идти вперёд; Ангелы гладили её руки и ноги, и ей не было уже так холодно. Наконец девочка добралась до чертогов Снежной королевы.

Посмотрим же, что делал в это время Кай. Он и не думал о Герде, а уж меньше всего о том, что она стоит перед замком.

Рассказ седьмой

Что происходило в чертогах Снежной королевы и что случилось потом

Стены чертогов Снежной королевы намела метель, окна и двери проделали буйные ветры. Сотни огромных, освещенных северным сиянием зал тянулись одна за другой; самая большая простиралась на много-много миль. Как холодно, как пустынно было в этих белых, ярко сверкающих чертогах. Веселье никогда и не заглядывало сюда! Хоть бы редкий раз устроилась здесь медвежья вечеринка с танцами под музыку бури, в которых могли бы отличиться грацией и умением ходить на задних лапах белые медведи, или составила партия в карты с ссорами и дракой, или, наконец, сошлись на беседу за чашкой кофе беленькие кумушки-лисички – нет, никогда этого не случилось! Холодно, пустынно, мёртво! Северное сияние вспыхивало и горело так правильно, что можно было с точностью рассчитать, в какую минуту свет усилится и в какую ослабеет. Посреди самой большой пустынной снежной залы находилось замёрзшее озеро. Лёд треснул на нём на тысячи кусков, ровных и правильных на диво. Посреди озера стоял трон Снежной королевы; на нём она восседала, когда бывала дома, говоря, что сидит на зеркале разума; по её мнению, это было единственное и лучшее зеркало в мире.

Кай совсем посинел, почти почернел от холода, но не замечал этого – поцелуи Снежной королевы сделали его нечувствительным к холоду, да и само сердце его стало куском льда. Кай возился с плоскими остроконечными льдинами, укладывая их на всевозможные лады. Есть ведь такая игра – складывание фигур из деревянных дощечек, которая называется «китайской головоломкой». Кай тоже складывал разные затейливые фигуры из льдин, и это называлось «ледяной игрой разума». В его глазах эти фигуры были чудом искусства, а складывание их – занятием первой важности. Это происходило оттого, что в глазу у него сидел осколок волшебного зеркала! Он складывал из льдин и целые слова, но никак не мог сложить того, что ему особенно хотелось – слова «вечность». Снежная королева сказала ему: «Если ты сложишь это слово, ты будешь сам себе господин, и я подарю тебе весь свет и пару новых коньков». Но он никак не мог его сложить.

– Теперь я полечу в тёплые края! – сказала Снежная королева. – Загляну в чёрные котлы! Котлами она называла кратеры огнедышащих гор – Везувия и Этны.

И она улетела, а Кай остался один в необозримой пустынной зале, смотрел на льдины и всё думал, думал, так что в голове у него трещало. Он сидел на одном месте – такой бледный, неподвижный, словно неживой. Можно было подумать, что он замёрз.

В это-то время в огромные ворота, проделанные буйными ветрами, входила Герда. Она прочла вечернюю молитву, и ветры улеглись, точно заснули. Она свободно вошла в огромную пустынную ледяную залу и увидела Кая. Девочка сейчас же узнала его, бросилась ему на шею, крепко обняла его и воскликнула:

– Кай, милый мой Кай! Наконец-то я нашла тебя!

Но он сидел всё такой же неподвижный и холодный. Тогда Герда заплакала; горячие слезы её упали ему на грудь, проникли в сердце, растопили его ледяную кору и расплавили осколок. Кай взглянул на Герду, а она запела:

Розы цветут... Красота, красота!
Скоро узрим мы Младенца Христа.

Кай вдруг залился слезами и плакал так долго и так сильно, что осколок вытек из глаза вместе со слезами. Тогда он узнал Герду и очень обрадовался:

– Герда! Милая моя Герда!.. Где же это ты была так долго? Где был я сам? – И он оглянулся вокруг. – Как здесь холодно, пустынно!

И он крепко прижался к Герде. Она смеялась и плакала от радости. Да, радость была такая, что даже льдины пустились в пляс, а когда устали, улеглись и составили то самое слово, которое задала сложить Каю Снежная королева; сложив его, он мог сделаться сам себе господином, да ещё получить от неё в дар весь свет и пару новых коньков.

Герда поцеловала Кая в обе щёки, и они опять зацвели розами, поцеловала его в глаза, и они заблестали, как её глаза; поцеловала его руки и ноги, и он опять стал бодрым и здоровым.

Снежная королева могла вернуться когда угодно – его вольная лежала тут, написанная блестящими ледяными буквами.

Кай с Гердой рука об руку вышли из пустынных ледяных чертогов; они шли и говорили о бабушке, о своих розах, и на пути их стихали буйные ветры, проглядывало солнышко. Когда же они дошли до куста с красными ягодами, там уже ждал их северный олень. Он привёл с собою молодую оленью матку, вымя её было полно молока; она напоила им Кая и Герду и поцеловала их прямо в губы. Затем Кай и Герда отправились сначала к финке, отогрелись у неё и узнали дорогу домой, а потом к лапландке; та сшила им новое платье, починила свои сани и поехала их провожать.

Оленья парочка тоже провожала молодых путников вплоть до самой границы Лапландии, где уже пробивалась первая зелень. Тут Кай и Герда простились с оленями и с лапландкой.

– Счастливого пути! – крикнули им провожатые.

Вот перед ними и лес. Запели первые птички, деревья покрылись зелёными почками. Из леса навстречу путникам выехала верхом на великолепной лошади молодая девушка в ярко-красной шапочке и с пистолетом за поясом. Герда сразу узнала и лошадь (она была когда-то впряжена в золотую карету), и девушку. Это была маленькая разбойница; ей наскучило жить дома, и она захотела побывать на Севере, а если там не понравится – и в других местах. Она тоже узнала Герду. Вот была радость!

– Ишь ты бродяга! – сказала она Каю. – Хотела бы я знать, стоишь ли ты того, чтобы за тобой бегали на край света!

Но Герда потрепала её по щеке и спросила о принце и принцессе.

– Они уехали в чужие края! – отвечала молодая разбойница.

– А ворон с вороной? – спросила Герда.

– Лесной ворон умер; ручная ворона осталась вдовой, ходит с чёрной шерстинкой на ножке и жалуется на судьбу. Но всё это пустяки, а ты вот расскажи-ка лучше, что с тобой было, и как ты нашла его.

Герда и Кай рассказали ей обо всём.

– Ну, вот и сказке конец! – сказала молодая разбойница, пожала им руки и обещала навестить их, если когда-нибудь заедет в их город. Затем она отправилась своей дорогой, а Кай и Герда своей. Они шли, и на их дороге расцветали весенние цветы, зеленела травка. Вот раздался колокольный звон, и они узнали колокольни своего родного городка. Они поднялись по знакомой лестнице и вошли в комнату, где всё было по-старому: так же тикали часы, так же двигалась часовая стрелка. Но, проходя в низенькую дверь, они заметили, что успели за это время сделаться взрослыми людьми. Цветущие розовые кусты заглядывали с крыши в открытое окошко; тут же стояли их детские стульчики. Кай с Гердой сели каждый на свой и взяли друг друга за руки. Холодное, пустынное великолепие чертогов Снежной королевы было забыто ими, как тяжёлый сон. Бабушка сидела на солнышке и громко читала Евангелие: «Если не будете как дети, не войдёте в Царствие Небесное!»

Кай и Герда взглянули друг на друга и тут только поняли смысл старого псалма:

Розы цветут... Красота, красота! Скоро узрим мы Младенца Христа

Так сидели они рядышком, оба уже взрослые, но дети сердцем и душою, а на дворе стояло тёплое, благодатное лето!

БЕССМЕРТНАЯ СКАЗКА ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ

Известно, что произведения великого сказочника, выпущенные в советское время, были лишены всех христианских мест.

В доброй книге Бориса Ганаго «Будем как дети», сравнивая тексты разных лет «Снежной королевы», мальчик с удивлением спрашивает: «Почему в первой книге нет ничего про Христа?» – «Кто-то хотел заморозить наши сердца, чтобы и мы видели мир перевернутым и безобразным, – ответила бабушка. – Сказка у нас – в быль превратилась. Почти вся страна стала безбожной... Теперь у многих в голове вертится только таблица умножения: цены, прибыли, проценты. Как в калькуляторе. Вертится, вертится, а в это время замерзают сердца. И нам подсунули кривое зеркало и внушили, что наш предок – обезьяна. Тогда мы и стали вести себя, как и подобает потомкам гориллы. Образ Божий, искра Божия в человеке растапывались. Всё было перевернуто вверх ногами.»

Мы благодарим Бога за возможность читать сегодня сказки Ганса Христиана Андерсена – без искажений.

Составитель

В римском цирке **Дмитрий Мордовцев**

Рим ликует... Встречает победоносного Тита с его железными легионами и золотыми легионными орлами, облетевшими на своих высоких древках весь ведомый тогда мир. Тит возвращается после победы, одержанной над восставшей Иудеей.

За триумфальной колесницей следует другая. На ней высится, сверкая на солнце своим золотом, исполинское седьмисвещие, взятое из святилища храма Соломонова, и другие священные сокровища храма, спасённые от пламени. За колесницами вели пленных иудеев – главарей восстания и других знатных людей, взятых с оружием в руках. Все были в оковах.

Общее внимание привлекла красивая женщина, которая вела за руку ослепительной красоты девочку, лет четырех-пяти, с роскошной косой цвета червонного золота. В толпе слышались возгласы восторга и удивления.

Прекрасная женщина, которая вела за руку девочку, была иерусалимская христианка. Когда она была ещё маленькою девочкою и в числе прочих иерусалимских детей хотела приблизиться к Спасителю, а ученики Его отгоняли их, – Спаситель сказал: «Не отгоняйте от меня детей», – и положил Свою руку на её головку. Прелестная девочка была её дочь.

Теперь для неё с дочерью предстояло отойти к Христу. И мать, и ребёнок обвинялись в страшном государственном преступлении и осуждены были военным советом всей армии Тита на растерзание львами в великом цирке Рима.

Преступление было такого рода. Саломея по делу шла к начальнику римлян. При входе в палатку она увидела, что римский легионный орёл – государственное знамя Рима – был свято-татственно водружен в ту священную лунку, в которую тридцать семь лет назад был водружён крест, принявший на себя распятого Спасителя. Верующие оберегали эту лунку как святыню. А сама Саломея ежегодно в дни Страстей Христовых и воскресения вливала в неё благовонное миро. Увидав поругание святыни, Саломея схватила легионного орла, бросила на землю и стала топтать ногами. Мариам, её девочка, подражая матери, тоже топтала орла своими ножками...

И за это Саломея и её маленькая дочь были осуждены на смерть.

Наступил день гладиаторских состязаний и звериной травли – травли людей зверями.

Весь Рим, казалось, наполнил собою великий цирк, который мог вмещать до полумиллиона зрителей. Ничто так не привлекало жестоких, бездушных римлян, как кровавые зрелища. Ложи и галереи амфитеатра заполнены сверху донизу. Лучшие места ближе к арене заняты сенаторами, начальниками легионов, знатнейшими всадниками и другими представителями правящего, державного Рима. Следующие ярусы битком набиты были римскими гражданами, воинами. Верхние ряды, как исполинские цветники, пестрели женщинами – от знатных матрон с золотом украшений до простых, жадных до кровавых зрелищ римлянок.

Из обширной императорской ложи лениво глядело бритое, заплывшие жиром лицо самого Веспасиана. Рядом с ним помещался его сын Тит, массивная голова которого твёрдо держалась на воловьей шее. По ленивому мановению руки императора амфитеатр огласили звуки труб.

– Ввести женщину с девочкой, – распорядился эдитор.

Тит что-то тихо сказал отцу.

– Зачем же ты допустил это? – спросил император.

– Все легионы требовали этого... оскорбление римского орла.

На арену медленно выступило что-то вроде привидения – вся в белом. Это была Саломея, которая вела за руку ослепительно прекрасную девочку с распущенными волосами червонного золота. Ропот удивления и восторга волнами прокатился по амфитеатру...

– Это, это маленькое божество.

– Сейчас прибежит большая, большая добрая кошка, которая унесёт нас к твоему отцу и к тому доброму Иисусу, о Котором я тебе так много рассказывала. Его святую руку я и теперь чувствую на своей голове, – говорила между тем Саломея, проводя к середине арены свою девочку, которая с любопытством и детской наивностью посматривала по сторонам.

– Да здравствует император! Идущие на смерть приветствуют тебя! – возгласил эдитор, когда Саломея и Мариам поравнялись с императорской ложей.

– Вон видишь, дитя мое, Божие оконце? – показывала Саломея на солнце. – Оттуда теперь смотрят на нас добрый Иисус, Сын Божий, и твой покойный отец. Видишь, дитя моё, у нас злые римляне отняли наш Иерусалим, сожгли его, а у доброго Иисуса есть Небесный Иерусалим и Он зовёт нас к Себе.

Послышались раскаты грома. Все вздрогнули. Вздрогнули и Саломея с Мариам и побледнели. Это было рыканье льва.

– Слышишь, дитя, это добрая большая кошка радуется, что сейчас понесёт нас на небо, к твоему отцу, в Небесный Иерусалим, – говорила Саломея, указывая на выскочившее из своей тёмной железной клетки с косматою гривой чудовище.

Страшный узник действительно радовался, увидев свет, солнце, свободу. Долго просидев в мрачной тюрьме без возможности движения, потеряв всякую надежду видеть свет, небо, солнце, он теперь, – вырвавшись из своей могилы, просто обезумел от неожиданности. Он видел теперь такое же синее небо и такое же горячее солнце, которое он знал и любил в своей далёкой, знойной родной Нумидии. И ему показалось, что он уже у себя в Африке, среди пустынь и пальм. Скоро он увидит свою львицу, детёнышей. И, подняв могучую голову со страшной мордой прямо к солнцу, он посылал к нему столь громкие рыканья, такой приветственный гимн, что стены амфитеатра дрожали. Потом, налюбовавшись на солнце, он могучими прыжками гигантской кошки стал метаться по арене, чтобы насладиться свободой движений, прелестью свободного бега, упругостью стальных мускулов своих могучих ног.

Сделав ещё несколько гигантских прыжков, чудовище пустыни вдруг остановилось. Лев только теперь заметил на арене Саломею и Мариам и с удивлением уставился на них.

Весь амфитеатр с трепетом ждал, что будет дальше...

– Ах, зачем ты осудил ребёнка, – со старческой жалостью тихо проговорил Веспасиан.

– Легионы требовали её именно. она топтала твоего орла.

Лев между тем совершенно как кошка припал к земле и, не сводя удивлённых глаз с непонятного ему явления, бил метлой хвоста по арене, разметывая во все стороны песок...

– Иди, мое дитя, к ней, – побледневшими губами прошептала Саломея.

Девочка, смеясь, двинулась вперёд. Вот-вот бросится чудовище и растерзает ребёнка, – колотилось у всех в сердце.

Но чудовище не бросалось... Зверь был сыт по горло, и ему хотелось только веселиться, играть на свободе... Он никого не видел, кроме беленького, маленького существа, которое само шло к нему... «Играет со мной», – подумал сытый зверь, и подобно кошке стал ползком двигаться назад... Вот-вот – сейчас ужасный прыжок... Но нет прыжка... Потом он снова прилёг и совершенно по-кошачьи стал ползти на брюхе к девочке.

– О, Всеблагий! Прими с миром её чистую душу, – подняла к Небу глаза Саломея, а потом в ужасе закрыла их, чтобы не видеть.

Лев у самых ног девочки. Та стоит как заколдованная. Что это?.. Неслыханное чудо!.. Лев лижет маленькие ножки!..

Весь амфитеатр задрожал от восторженных криков и рукоплесканий.

Лев, оглушённый этим громом, вскочив, глянул на скамьи и галереи, наполненные народом, которого он прежде, казалось, не заметил, – и стремительными прыжками бросился в свою тюрьму.

– Увести их! – вдруг раздался повелительный голос императора. – Боги пощадили ребёнка, а мы для него оставляем его мать.

Великодушная Быль

В одной стране был обычай отрубать руки всякому, кого уличат в краже. Попался раз в этом знатный вельможа, царский любимец. Не мог царь отступить от старинного обычая и велел наказать преступника.

Но вот накануне казни является во дворец маленькая девочка, дочь этого вельможи, и просит со слезами допустить её к царю. Царедворцы исполнили её просьбу. Девочка упала на колени со слезами.

– Великий государь, – сказала она в страхе, – отец мой принужден остаться без рук. Так вот, отрубите мои руки.

У царя были свои дети, и ему понравилось, что маленькая девочка так любит отца.

– Пусть будет так, как ты просишь, – сказал царь. – Но ты можешь отказаться от казни, хотя бы в самую последнюю минуту.

На другой день девочку отвели во двор казни. Среди двора стояла обрызганная кровью плаха, а рядом палач с мечом. Побледнела девочка, смутилась на минутку... Но скоро овладела собой, подошла к плахе и протянула свои ручонки. Палач крепко привязал её руки к плахе ремнями. Девочка не проронила ни слова.

Палач поднял меч, и она закрыла глаза. Меч сверкнул и опустился, не задев и края пальцев.

– Царь прощает отца твоего за твою великую любовь! – объявил посланный от царя.

Отворились двери тюрьмы: бежит к дочери отец и целует у неё руки, слезами обливает.

На другой день царь объявил народу указ об отмене жестокого старого обычая.

А на дворе казни по царскому решению поставили столб с мраморной доской, а на ней золотыми буквами написали, как дочь готова была отдать свою жизнь за жизнь отца; и в конце прибавили такие слова: «Счастливы отцы, у которых такие дети!»

Вера, Надежда, Любовь

Во II веке в царствование императора Адриана жила в Риме вдова по имени София, что значит премудрость. У неё было три дочери, носившие имена главных христианских добродетелей: Вера, Надежда и Любовь. Имея глубокую веру, София воспитала дочерей в любви к Богу, уча не привязываться к земным благам. Она жила, угождая Богу молитвою, постом и милостыней, и дочерей своих воспитала так же. Девочки много читали Священное Писание, были усердны в молитве и домашних трудах. Они всегда и во всём слушались свою мать.

Слух о благочестивой жизни этой семьи дошел до императора, и он пожелал лично увидеть трёх сестёр и воспитавшую их Софию. Перед тем, как идти во дворец, они помолились перед святыми иконами: «Всесильный Боже, сотвори с нами по Твоей святой воле. Не оставь нас, но пошли нам Твою Небесную помощь, чтобы сердце наше не устало от гордого мучителя, чтобы не убоялись мы страшных его мучений и не пришли в ужас от смерти. Пусть ничто не отторгнет нас от Тебя, Милостивого Владыки нашего».

Сотворив молитву и поклонившись Господу, мать и дочери, взяв друг друга за руки, пошли во дворец. Все четверо предстали перед императором. Царь стал спрашивать, кто они такие и какова их вера. Тогда София открыто исповедала свою веру в Иисуса Христа, Сына Божия: «Господь наш воскрес из мертвых и дает вечную жизнь всем верующим в Него. Я – Его ничтожная раба, как умею, славлю Его святое имя. Единственное, чем я дорожу в жизни, это мое христианское имя. Оно для меня дороже всех сокровищ». При этом она сказала, что и дочерей своих воспитала христианками.

Удивлённый смелостью юных отроковиц, император отослал их к одной язычнице, которой приказал убедить их отречься от веры. Она прельщала девочек роскошными нарядами, дорогими украшениями, обещанием почестей и многими льстивыми словами.

Однако все доводы и красноречие языческой наставницы оказались напрасными – пламенеющие верой сестры не изменили своих убеждений. Тогда их снова привели к императору Адриану, и он стал настойчиво требовать, чтобы они принесли жертву языческим богам. Но девочки с негодованием отвергли его приказ.

«У нас на Небе есть Отец Всевышний, – ответили они, – мы хотим остаться Его детьми. А на твоих богов плюём и угрозы твоих не боимся. Мы готовы пострадать и даже умереть ради дорогого Господа нашего Иисуса Христа».

Тогда царь снова стал принуждать сестёр к нечестию и сначала обратился к старшей – Вере, которой было 12 лет. Но Вера не отреклась от Христа. Ее стали бить, но она молча терпела страдания, как будто били не по её телу, а по чужому. Потом Веру положили на раскалённую железную решётку, но святая, взывая к Господу своему, нимало не опалилась. Силой Божией огонь не причинил никакого вреда телу мученицы. Обезумевший от жестокости Адриан не вразумился чудом Божиим и велел бросить отроковицу в котёл с кипящей смолой. Но она призвала Бога и, по воле Господней, котёл охладился. Тогда её присудили к усечению мечом.

«Я с радостью пойду к возлюбленному моему Господу Спасителю», – сказала святая Вера.

Она мужественно преклонила свою голову под меч и так предала свой дух Богу.

Тогда правитель стал истязать десятилетнюю Надежду. По его повелению святая Надежда брошена была в огонь и, оставшись невредимою, прославляла Бога. После этого она была повешена и её строгали железными когтями: кровь лилась потоком. Но от ран исходило чудное благоухание, и на лице её, сияющем благодатию Святого Духа, была улыбка.

«Христос мой Спаситель, сила и помощь моя, – говорила Надежда. – Я не только не боюсь муки, но желаю её, как сладости райской. Тебя же, мучитель, ожидает вечная мука в геенне огненной вместе с бесами, которых ты считаешь за богов».

Когда же Адриан приказал казнить святую Надежду, она с радостью подошла к матери и сказала: «Мама! Да будет с тобою мир Христов, поминай дочь свою».

Мать же, обняв, целовала её, говоря: «Милая моя Надежда, благословенна ты от Господа Бога Вышнего. На Него надеешься и ради Него не жалеешь пролить кровь свою. Иди к сестре твоей Вере и вместе с нею предстань твоему Возлюбленному Христу».

Надежда поцеловала и сестру свою Любовь, видевшую её мучения, и сказала: «Не оставайся здесь и ты, сестра, – предстанем вместе пред Святою Троицею».

После этого святой Надежде отрубили голову. Взяв тело её, мать прославляла Бога, радуясь мужеству дочерей своих. Мудрыми, добрыми словами она призывала к такому же терпению и младшую свою дочь.

Тогда царь попытался ласками склонить девятилетнюю Любовь, чтобы она отреклась от Господа Иисуса Христа. Но, видя, что это невозможно, предал и её на муки.

Сначала Любовь били палкой так, что она вся покрылась кровью. Потом разожгли печь и хотели бросить туда святую, но она сама поспешно вошла в неё и – невредимая – ходила среди огня, радуясь, поя и благословляя Бога. В то же время из печи вылетело пламя на неверных и некоторых сожгло в пепел, а иных опалило. И превозносилось имя Христово, а нечестивые были посрамлены.

После этого император приговорил и её к смерти. Она же, услышав об этом, радовалась и говорила:

«Господи Иисусе Христе, всем сердцем любящий всех нас! Пою и благословляю имя Твоё. Благодарю, что Ты сподобил меня сверх моих слабых и ничтожных сил – претерпеть то, что и сёстры мои претерпели».

София при этом непрестанно молилась. Когда Любовь была усечена мечом, она отвезла тела святых дочерей на высокий холм и похоронила их. Три дня она усердно молилась Богу на их могиле, и Милостивый Господь забрал и её к Себе, чтобы быть ей со своими детьми в Радости Вечной. Так премудрая София, считая молитву и преданность Богу главным своим делом, окончила свою жизнь – принесла в дар Святой Троице трёх дочерей своих: Веру, Надежду и Любовь.

Многие святые поведали нам, что для людей, укрепляемых благодатью Святого Духа, нет невозможного. Недостаток телесных сил не мешает проявлению силы духа и мужества.

Да укрепит и нас Господь их святыми молитвами в главном, что нужно каждой душе для спасения: в Вере, Надежде и Любви!

Кирик и Иулитта

В городе Иконии в Малой Азии во II веке жила молодая христианка благородного происхождения по имени Иулитта. Рано лишившись мужа, она осталась с маленьким ребёнком на руках, которому в крещении дала имя Кирик. В это время нечестивый Диоклетиан воздвиг сильное гонение на христиан. Верная раба Божия решила бежать, боясь, что она не перенесёт жестоких пыток и отвергнется Христа. Она оставила все свои имена, дом, родственников, рабов, всю прелесть мира сего, славу и наслаждение, ради любви Христовой. И, взяв сына своего, которому было три года, и двух верных рабынь, ночью ушла из родного дома.

Пришла она в другой город, как странница и нищая, скрывая своё благородное звание, но и здесь нашла такое же гонение на христиан. Некий Александр без жалости убивал всех исповедующих имя Иисуса Христа. Блаженная Иулитта, помня слова Евангелия: *Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой* (Мф. 10, 23) – отправилась в город Таре.

Спустя некоторое время тот же Александр пришёл и сюда мучить христиан. Святая Иулитта была узнана, и о ней доложили начальнику. Он тотчас приказал её привести, а сам воссел на высоком помосте. Обе рабыни её убежали, но издали следили за происходящим. И приведена к суду была мученица с трёхлетним отроком. Спрошенная начальником об имени, роде и отечестве, она смело отвечала:

– Моё имя, происхождение и отечество – это Небесное Царство Христа моего!

Александр, разгневавшись, повелел отнять у неё отрока, обнажить и бить её беспощадно жёсткими жилами. Когда били святую, дитя плакало и вырывалось из рук мучителей. Начальник, видя красоту дитяти, приказал принести его к себе. Затем посадил его на колени и стал утешать, гладил по голове, целовал и говорил ему притворно ласковые слова. Кирик отчаянно упирался, вырывался из рук, не даваясь ни гладить, ни целовать себя скверными устами. Он рвался к Иулитте, которую били, плакал и кричал:

– Я христианин! Пусти меня к матери.

Ребёнок, как птица, бился в беспощадных руках и ногтями царапал лицо палача. Александр пришёл в ярость, с размаху бросил младенца на каменные плиты и отшвырнул его ногой. Дитя покатилося по каменным ступеням, ударяясь головой об острые углы. Вся лестница обогрилась его святой кровью. Так отдал свою святую и непорочную душу в руки Божии и увенчался мученичеством святой отрок Кирик.

Мать же его, блаженная Иулитта, жестоко и долго мучимая, страдая как бы в чужом теле и как столп бездушный ничего не чувствуя, говорила одно:

– Я христианка и не принесу жертвы бесам!

Когда перестали бить её и подняли с земли, она увидела пред судилищем своё любимое дитя, окровавленное и мёртвое, и сказала:

– Благодарю Тебя, Господи, что Ты сподобил сына моего принять смерть за имя Твоё святое. К славе Твоей удостоил его получить неувядаемый мученический венец.

После этого начальник повелел истязать её ещё беспощаднее, и глашатай взывал:

– Пощади себя, Иулитта, пожалей свою юность и поклонись богам, чтоб тебе избавиться от мук и не погибнуть лютой смертью, как сын твой.

Мученица отвечала:

– Не поклонюсь бесам и их глухим и немым идолам, – я поклоняюсь Господу моему Иисусу Христу, Единородному Сыну Божию, Которым Отец Небесный всё сотворил. Хочу прийти к сыну моему, чтоб с ним сподобиться Царства Небесного.

Увидевши непреодолимое терпение и великое мужество мученицы, начальник осудил её на усечение мечом. Святая шла к месту смерти, как к брачному венцу. Испросив время для молитвы, она, преклонив колена, благодарила Бога, сподобившего её с сыном пострадать за Его святое имя:

– Приими и меня, недостойную рабу Твою, и удостой получить благодать Твою – быть причётной к мудрым девам, вшедшим в Твой нетленный чертог. Да благословит мой дух Тебя, Создателя моего, Твоего безначального Отца и соприисущного Духа во вся веки. Аминь.

После этой молитвы палач, заточив меч, отсек честную голову Иулитты, оставивши тело на съедение псам и зверям. Тело святого Кирика бросил у тела матери и ушёл.

Когда настала ночь, две рабыни Иулитты взяли тело госпожи своей и её сына и, отнеся далеко, погребли в земле. Одна из этих рабынь прожила до дней Константина Великого, первого христианского царя, и показала христианам место, где погребены были честные останки святых мучеников Кирика и Иулитты. Она поведала об их страданиях. Святые мощи их были вынуты из недр земли нетленными. Они источали благоухание и по сей день подают больным исцеления. Поклоняемся вам, святые мученики Кирик и Иулитта, во Славу Христа Бога нашего, со Отцем и Святым Духом во веки. Аминь.

* * *

Существует много рассказов о подвигах первых христиан, в которых участвуют дети.

Христиане первых веков старались жить маленькими общинами и ощущали друг друга такими родными, что их жизнь напоминала общение любящих братьев и сестёр. Они были всегда гонимы. Их подстерегали опасности, смерть могла их найти каждый день. Им приходилось уходить в леса, скрываться в непроходимых чащах. Нередко они совершали свои богослужения в катакомбах. Однажды такую группу христиан настигли вооруженные солдаты императора. Было приказано никого не оставлять в живых.

Пронзенные мечами и копьями, безоружные люди падали один за другим, обагрив кровью песок и камни. Один из солдат в неистовом порыве занёс меч над матерью с младенцем в руках. И она вдруг протянула своё дитя навстречу поднятому мечу. Это было столь неожиданно для солдата, у которого дома остались своя жена и дети, что он опустил меч и произнёс: «Как можешь ты, мать, отдавать собственными руками своё дитя – на смерть?!» – «Ты ничего не понимаешь, – ответила христианка, и её глаза просияли не известным солдату светом. – В следующую минуту мой ребёнок окажется на руках моего Христа!»

Легенда о рождественских розах *Борис Никонов*

То было в давние года:
Над спящим миром ночь царила,
И светозарная звезда
Над Вифлеемом восходила.

И дети бедных пастухов,
Узнав, что родился Спаситель,
Со всех сторон, из всех шатров
С дарами шли в Его обитель.

Несли Ему ягнят живых
И соты мёда золотого,
И молоко от стад своих,
И хлеб от очага родного.

И только девочка одна,
В святой вертеп войти не смея,
Стояла поодаль, грустна,
А дети шли, смеясь над нею...

«О, Боже, – плакала она, —
Зачем меня Ты создал нищей?
Я одинока, я бедна,
С чем я войду в Его жилище?»

Вдруг свет, как тысячи огней,
Сверкнул вокруг во тьме унылой,
И видит девочка: пред ней —
Посланник Неба светлокрылый.

«Не плачь, бедняжка, не грусти, —
Промолвил кротко гость Небесный, —
Ты можешь Богу принести
Твоих слезинок дар чудесный.

Взгляни, малютка: на земле,
Куда твои упали слёзы,
Там вырастают, там во мгле
Цветут прекраснейшие розы.

Ты розы светлые сорви,
Иди к заветному порогу
И дар страданий, дар Любви

Отдай, дитя, Младенцу Богу».

И вот с кошницею цветов,
Цветов, усеянных шипами,
Она вошла под Божий кров,
Сияя светлыми слезами.

И ей в ответ в очах святых,
Как искры звёзд, сверкнули слёзы...
И изо всех даров земных
Христос Младенец выбрал розы.

Мальчик у Христа на ёлке *Фёдор Достоевский*

Это случилось как раз накануне Рождества, в каком-то огромном городе и в ужасный мороз.

Маленький мальчик, лет шести или даже менее, проснулся утром в сыром и холодном подвале. Одет он был в какой-то халатик и дрожал. Дыхание его вылетало белым паром, и он, сидя в углу на сундуке, от скуки нарочно пускал этот пар изо рта и забавлялся, смотря, как он вылетает.

Но ему очень хотелось кушать. Он несколько раз с утра подходил к нарам, где на тонкой, как блин, подстилке и на каком-то узле под головой вместо подушки лежала больная мать его... Как она здесь очутилась? Должно быть, приехала со своим мальчиком из чужого города и вдруг захворала. Напиться-то он где-то достал в снях, но корочки нигде не нашёл и раз в десятый уже подходил разбудить свою маму. Жутко стало ему, наконец, в темноте: давно уже начался вечер, а огня не зажигали.

Ощупав лицо мамы, он подивился, что она совсем не двигается, и стала такая холодная, как стена.

«Очень уж здесь холодно», – подумал он, постоял немного... потомдохнул на свои пальчики, чтобы отогреть их, и вдруг, нашарив на нарах свой картузишко, потихоньку, ощупью, пошёл из подвала.

Господи, какой город! Никогда он ещё не видал ничего такого. И какой здесь стук и гром, какой свет и люди, лошади и кареты, и мороз, мороз. Мерзлый пар валит от загнанных лошадей, из жарко дышащих морд их. Сквозь рыхлый снег звенят об камни подковы, и все так толкаются, и, Господи, так хочется поест, хоть бы кусочек какой-нибудь, и так больно стало вдруг пальчикам. Мимо прошел блюститель порядка и отвернулся, чтобы не заметить мальчика.

Вот и опять улица – ох, какая широкая!.. Ух, какое большое стекло, а за стеклом комната, а в комнате дерево до потолка: это ёлка, а на ёлке сколько огней, сколько золотых бумажек и яблок, а кругом тут же куколки, маленькие лошадки; а по комнате бегают дети, нарядные, чистенькие, смеются и играют, и едят и пьют что-то. Глядит мальчик, дивится, уж и смеётся, а у него болят уже пальчики и на ножках, а на руках стали совсем красные, уж не сгибаются и больно пошевелить. И вдруг вспомнил мальчик про то, что у него так болят пальчики, заплакал и побежал дальше. И вот опять видит он сквозь другое стекло комнату, опять там деревья, но на столах пироги, всякие – миндальные, красные, желтые, и сидят там четыре богатые барыни, а кто придёт, они тому дают пироги, а отворяется дверь поминутно, входят к ним с улицы много господ. Подкрался мальчик, отворил вдруг дверь и вошёл. Ух, как на него закричали и замахали. Одна барыня подошла поскорее и сунула ему в руку копеечку, а сама отворила ему дверь на улицу. Как он испугался! А копеечка тут же выкатилась и зазвенела по ступенькам: не мог он согнуть свои красные пальчики и придержать её. Выбежал мальчик и пошёл поскорей, поскорей, а куда – сам не знает. Хочется ему опять заплакать, да уж боится и бежит, бежит и на ручки дует. И вдруг забежал сам не знает куда, в подворотню, на чужой двор, и присел за дровами: «Тут не сыщут, да и темно».

Присел он и скорчился, а сам отдышаться не может от страха, и вдруг, совсем вдруг, стало так ему хорошо: ручки и ножки вдруг перестали болеть, и стало так тепло, так тепло, как на печке. Как хорошо тут заснуть. И вдруг ему послышалось, что над ним запела его мама песенку. «Мама, я сплю, ах, как тут спать хорошо».

«Пойдём ко Мне на ёлку, мальчик», – прошептал над ним вдруг тихий голос. Он подумал было, что это всё его мама, но нет, не она. Кто же это его позвал, он не видит, но Кто-то нагнулся над ним и обнял его в темноте. А он протянул Ему руку и... и вдруг, – о, какой свет! О, какая ёлка! Да и не ёлка это, он и не видал таких деревьев. Где это он теперь: всё блестит, всё сияет, и кругом все куколки, – но нет, это все мальчики и девочки, только такие светлые, все они кружатся около него, летают, все они целуют его, несут его с собою, да и сам он летит, и видит он: смотрит его мама и смеётся на него радостно.

«Мама, мама, ах, как хорошо тут, мама!» – кричит ей мальчик, и опять целуется с детьми, и хочется ему рассказать им поскорее про тех куколок за стеклом. «Кто вы, мальчики, кто вы,

девочки?» – спрашивает он, смеясь и любя их. «Это Христова ёлка, – отвечают они ему. – У Христа всегда в этот день ёлка для маленьких деточек, у которых там нет своей ёлки». И узнал он, что эти мальчики и девочки все были такие, как и он, дети... И все-то они теперь здесь, все они теперь, как Ангелы, все у Христа, и Он Сам посреди них. А матери этих детей все стоят тут же в сторонке и плачут; каждая узнаёт своего мальчика или девочку, а они подлетают к ним и целуют их, утирают им слёзы своими ручками и упрашивают их не плакать, потому что им здесь так хорошо.

А внизу, наутро, дворники нашли маленький трупик забежавшего и замёрзшего за дровами мальчика. Разыскали и его маму. Та умерла ещё прежде него. Оба свиделись у Господа Бога в Небе.

Непридуманные рассказы

Лидия Запарина

Жили мы очень небогато. Хлеб, и тот мачеха отрезала всегда сама и давала из своих рук к завтраку, обеду и ужину, и только чёрный, а белый лишь в праздники видали. Сахар получали по счету. Строго нас держали, и ослушаться родителей я ни в чем не смела, только в одном им не подчинялась: в воскресенье на весь день убежала из дома.

Проснусь в воскресный день рано-рано (я в тёмной каморочке одна спала), пока ещё никто не вставал, оденусь, тихонечко из дома выскочу – и прямым сообщением в Кремль, в церковь к ранней обедне. И не думайте, что на конке, нет, денег у меня ни гроша, это я пешком отмериваю.

Отстою обе обедни, все молебны отслушаю, панихиды и начну по Кремлю из храма в храм бродить, жду, когда придет мне время идти в Кадаши, там отец Николай Смирнов по воскресеньям устраивал для народа беседы с туманными картинами. Этого я уж ни за что не пропущу!

А есть, между тем, хочется – сил нет, но терпи! Домой вернешься – больше не выпустят. А ведь после туманных картин – как ты на акафист не останешься?! Или к отцу Иоанну Кедрову пойду, там-то уж совсем не уйдёшь – до того хорошо.

Вот после такого-то дня, едва ноги передвигая, и притащишься домой в одиннадцатом часу ночи. Постучишь тихонько-тихонько, мачеха выйдет, дверь откроет и только скажет:

– Опять допоздна доходила! Иди уж скорей! Я тебе под подушку две картошки и ломоть хлеба положила. Начнёшь есть – смотри не чавкай, чтобы отец не услышал. Он тебя весь день ругал и не велел кормить.

Справедливая была мачеха, хорошая, но строгая, конечно.

А один раз до того я наголодалась, что сил моих не было. А времени – только два часа дня. Вот и пришла я в Кремль в Вознесенский монастырь, там мощи преподобной Евфросинии лежали.

Стала я перед ними и прошу:

– Мати Евфросиния, сделай так, чтобы мне есть не хотелось.

Потом подошла к образу Царицы Небесной. А в храме – ни души, только монашки на более убираются и никому из них меня не видно. Так вот, я к нему подошла, взобралась по ступенечкам, стала и молюсь:

– Царица Небесная, сделай так, чтобы не хотелось мне есть, ведь ещё долго ожидать, пока вечер наступит и я домой вернусь.

Помолилась (мне ведь тогда только двенадцать лет было), схожу по ступенечкам вниз и вижу, что рядом с образом стоит монахиня в мантии, высокая, красивая. Посмотрела она на меня и протянула мне просфору небольшую:

– На, девочка, скушай.

И тихо мимо меня прошла, только мантией зашуршала, и вошла прямо в алтарь. А я стою с просфорой в руках и от радости себя не помню. И надо ещё сказать, что таких просфор я не только никогда в руках не держала, но и не видывала. Какую я могла редко-редко купить? За две копейки маленькую, их пекли целой полосой и потом ножом отрезали.

Ну, пошла я, набрала в кружку святой воды и здесь в церкви в уголочек забралась, да всю просфору с водицей-то и уписала. И думаю я, что дала мне её сама преподобная Евфросиния.

Вексель

Девочку звали Сарой, она была дочерью очень богатых евреев. Кроме неё было ещё пять человек детей. Семья жила в провинции. Отец был крутого нрава, и дети его очень боялись, боялась его и жена.

Однажды отец вышел из дома, собираясь отправиться по какому-то делу, и сунув руку в карман пиджака, вынул вчетверо сложенную бумагу.

– Эх, не хочется возвращаться! – сказал он. – Сара, возьми этот документ, он очень важный, и отнеси в мой кабинет, – позвал он пробегавшую мимо него дочь. – Положи на письменный стол и придави книгой. Да не потеряй, а то голову оторву! – крикнул он вдогонку.

Сара положила бумагу в карман платья и только было направилась к кабинету, как её позвала старшая сестра посмотреть, какую ей подарил жених шляпку. Посмотрев подарок, Сара увидела в окно, что во дворе собрались дети соседей и готовится интереснейшая игра. Забыв обо всём, она присоединилась к играющим. Бумага лежала в её кармане, и она прыгала и играла до позднего вечера. Сброшенное ею на ночь платье горничная отнесла в стирку, а утром дала ей другое.

Садясь за чайный стол, отец удивленно спросил Сару:

– Где та бумага, которую я тебе вчера дал?

Только сейчас Сара вспомнила о ней.

Начались поиски, но Сара хорошо знала, что они бесполезны: бумага была в кармане её платья, и она её не вынимала, а потом платье взяли в стирку. Несомненно, бумага размокла, и её выбросили. Трясаясь от страха, она во всем призналась отцу. Он посмотрел на нее и жёстко сказал:

– Это был вексель на десять тысяч рублей. Через две недели я должен его опротестовать. Мне нет дела до того, что его нет, он должен быть. Достань где угодно... или...

Сара закрыла глаза от ужаса. Отец никогда не грозил зря.

Начались дни бесцельных поисков и мук. Вначале этими поисками были заняты все в доме, но, поняв их бесполезность, – оставили. Сара потеряла сон и аппетит. Она перестала играть с детьми, пряталась от всех в дальних уголках огромного сада.

Охотней всего она сидела в том месте, где их участок соприкасался с небольшим двором старой русской женщины. Та жила одна в бедной хибарке, хозяйства у неё не было, бегала только пёстрая кошка, и весело зеленел огород. Качали ветками три яблони, и пышно раскинулись кусты смородины. Женщина постоянно была занята делом на своём убогом дворе, но часто оставляла работу и, встав во весь рост, молилась. Её доброе лицо во время молитвы делалось ещё добрее, часто слезы текли из глаз, она не замечала их, а только осеняла себя крестом. Сара в заборную щель наблюдала за ней, и когда женщина молилась, Саре делалось вдруг легко и радостно; страх перед отцом уходил, но вот женщина кончала молитву, и снова страшные мысли овладевали Сарой, и она шла на речку искать на её берегах место, откуда броситься в воду.

Как-то, когда было особенно тяжело, Сара пришла в заветный угол сада и, повторяя движения женщины, попробовала молиться сама. Она не знала, как это делать, и неумело крестясь, твердила:

– Русский Бог, помоги мне.

Потом она начала Ему жаловаться на своё несчастье и снова просила помочь. Так она начала делать каждый день, что, однако, не мешало ей продолжать ходить на речку, где она предполагала окончить свою жизнь, так как расправа отца была для нее страшнее смерти.

Прошло две недели. Наступило утро рокового дня. Сара не спала ни одной минуты, и как только рассвело, она оделась, оглядела спавших с ней в одной комнате сестёр и тихо вышла из дома.

Солнце только поднималось, во дворе не было ни души, в такую рань все ещё спали. Последний раз оглянулась Сара на родной богатый дом, на сад, на большой двор, весь в надворных постройках, и пошла к калитке. Отбросив засов, решительно взялась за ручку.

Что это? В ручку продета свернутая вчетверо бумага. Сара вынула её и машинально развернула. Вексель... Неужели это тот, что отец дал ей две недели тому назад?! Но ведь он размок в кармане её платья, и его выбросили! Как же он мог попасть сюда?

Забыв страх перед отцом, забыв всё на свете, Сара с криком бросилась в спальню родителей. Всклокоченный, ещё не очнувшийся от сна, отец выхватил из её рук бумагу.

– Вексель, тот самый вексель! – закричал он на весь дом. – Где ты его взяла?

Трясаясь всем телом, Сара рассказала. Отец опять принялся рассматривать документ. Всё правильно, ни к чему нельзя придраться, только он чем-то неуловимым отличается от пропавшего: как будто другая бумага, иной почерк.

В доме все проснулись и сбежались в спальню, радостные и возбужденные. Только Сара не радовалась со всеми. Новое чувство чего-то великого и непонятного переполняло её душу. Она опять ушла в свой уголок в саду.

– Это сделал Ты, русский Бог, – шептала она, ей не хотелось идти домой, а хотелось сидеть здесь в тишине и думать об этом необыкновенном Боге, Который пожалел её и сотворил чудо.

Днём отец Сары опротестовал вексель и получил деньги. В доме было весело и шумно.

После этого события Сара очень изменилась. Она стала серьезнее, молчаливее. Мысль о русском Боге не давала покоя. Но она знала, что для того, чтобы стать к Нему ближе, надо креститься. Набравшись смелости, она пошла к священнику и попросила окрестить её.

Священник отказался:

– Вы, барышня, ещё несовершеннолетняя, и без согласия родителей я не имею права это сделать.

Рассерженная Сара пошла к другому священнику и тоже получила отказ, отказал и третий.

Легко им было говорить – согласие родителей. Сара прекрасно понимала, что если бы она заговорила об этом с ними, то в ответ последовали бы только проклятия. Отец и мать были ревностные иудеи, дед был раввином. Семья родителей была одна из самых уважаемых и богатых в городе, отец постоянно жертвовал на синагогу, и в доме у них жили, строго выполняя все требования иудейской веры.

В волнениях и тайных молитвах к русскому Богу прошёл год. От подруги Сара узнала, что недалеко от их города есть женский монастырь.

– Поезжай туда и проси игуменью, чтобы тебя окрестили, – советовала подруга.

Сара решила идти на этот шаг и порвать все отношения с семьей. «Мне скоро шестнадцать лет, я не ребёнок, проживу как-нибудь, Бог поможет».

Собрав все свои деньги (отец давал иногда) и кое-какие вещи, Сара ночью убежала на вокзал. Доехав до нужной ей станции (монастырь находился в нескольких километрах от железной дороги), Сара пешком пошла в монастырь. Она боялась, что если начнёт нанимать извозчика, то это обратит на нее внимание, а как пройти в обитель, подруга ей рассказала, так как не раз бывала там с бабушкой.

В пути Саре повезло: попались богомолки, шедшие туда же, они ей указали и как пройти к матушке игуменье.

С бьющимся сердцем переступила Сара порог игуменских покоев. Молодая послушница, с любопытством оглядев её, пошла доложить матушке.

От волнения Сара не могла стоять.

– Боже, помоги! Боже, помоги! – шептала она, повернувшись лицом к образу.

Не слыхала она за своей молитвой, как открылась дверь, вошла матушка и, остановившись, принялась рассматривать пришедшую. Наконец под её пристальным взглядом Сара обернулась, протянула ей руки и с плачем упала в ноги.

Долго разговаривала с ней игуменья. Рассказ Сары тронул её чуткое сердце. Но самостоятельно решить вопрос о её крещении она не могла. Оставив девушку в своих покоях, игуменья немедленно поехала к епископу.

Епископ был горячий и решительный.

– Крестите, мать, девушку и оставляйте у себя, а то дома её со свету сживут. Делайте всё без огласки. Если родные приедут, девушку не отдавайте, грозить станут – посылайте ко мне.

Так и сделали, как сказал владыка, и родным, когда они приехали за Сарой, ответили так, как было велено.

Прошли годы.

Сара никуда не уезжала из приютившего её монастыря, а вступила в число сестёр обители и пошла трудным монашеским путём.

Умерла она схимонахиней (прожив в схиме много лет), передала этот рассказ одному священнику, который рассказал его моему знакомому, а тот – мне.

Детское горе

Сижу, уткнувшись в нянино плечо, и плачу. А по всему дому разносится мощный баритон отца, который что-то выговаривает матери; она отвечает ему сердитым звенящим голосом.

Всё в нашем большом доме стихло, все притаились, как во время сильной грозы.

– Господи, и когда же они перестанут ссориться? – вздыхает няня. – Не плачь, солнышко! Разве господу первый раз так громко бранятся? Пора привыкнуть. Вон, смотри, как хорошо дети играют в саду, иди к ним.

– Они маленькие, ничего не понимают, а мне тринадцать лет, я знаю, как ужасно, когда папа ссорится с мамой.

– Ну, ты с малых лет не выносила их ссор и всегда принималась плакать, – вспоминает няня и гладит мою голову. – Слышишь, тихо стало. Видно, барин ушёл на свою половину.

– Что из того, что ушёл, завтра всё начнется снова, ведь две недели они ссорятся, не переставая.

Но всё-таки я выхожу в сад. По дороге слышу, как горничная говорит лакею:

– Опять господу каждый у себя обедать будут, а дети – с гувернанткой. И как им не опротивеет такая жизнь?!

Я ускоряю шаг, спасаясь от этих мучительных пересудов, и думаю: «Почему мама и папа в вечной войне?» Мама очень красивая и молодая, папа гораздо старше её, не такой красивый, но зато он известный на всю Россию адвокат, его выступления печатают в газетах; он добрый, умный, его все любят, а мы – дети – обожаем. Несмотря на занятость, он всегда интересуется нашими делами. Любит собирать нас около себя и рассказывать о Христе. Как он необыкновенно говорит о Нём! Когда начинаются такие беседы, вся прислуга потихоньку собирается у закрытой двери, чтобы послушать о Господе. Некоторые даже плачут, это няня говорила. Папа часто ходит в церковь, водит туда нас и радуется, когда в нашем доме бывает духовенство.

Мама не в восторге от такого общества, ей нравятся балы, приемы. Я стараюсь не пропустить тот момент, когда она в бальном платье с длинным шлейфом выходит в гостиную, где отец во фраке уже поджидает её, чтобы вместе ехать на бал или в театр. Она тогда бывает особенно красивая. А потом родители вдруг ссорятся, и все мы от этого мучаемся.

Вечер. У мамы гости, кто-то играет на рояле, а папа после ссоры уехал в Петербург. Нам хорошо здесь, в имении. Сейчас лето, в гимназию ходить не надо, развлечений много. А папа каждое утро уезжает в город к себе в контору или в суд и возвращается только к вечеру, усталый и бледный.

Ложусь в постель, но засыпаю только после того, как под нашими окнами останавливается экипаж. Это вернулся папа. На сердце сразу приходит покой.

Под утро вижу сон. Проснувшись, сижу на кровати. Сон такой, что не могу прийти в себя. Его можно рассказать только папе. Быстро принимаюсь за одевание.

– Наша соня начала просыпаться с курами. Что случилось? – удивляется няня. – И куда ты бежишь, не помолившись Богу?

– Сейчас вернусь, – кричу я и вырываюсь из её старых рук.

Тихонько царапаюсь в папину дверь, она открывается.

– Папочка, можно?

Не поднимая головы, он молча протягивает мне свободную руку. Подбегаю к нему, сажусь на колени и целую его в губы, в глаза, в лоб. Ах, как я люблю тебя, папа!

Расцеловав меня, он внимательно смотрит в мои глаза:

– Что-то случилось?

– Да.

– Говори, я слушаю.

Прижимаюсь головой к его груди и начинаю:

– Мне приснился сейчас необыкновенный сон. Помнишь, ты нам рассказывал о катакомбах, в которых скрывались первые христиане?

– Помню.

– Так вот, мне снится, будто я нахожусь в них. Иду одна, никого нет, полутьма, и мне страшно. Вхожу в большой зал и вижу на тёмной стене, в круге яркого голубоватого сияния, лицо Христа. Я думаю, что это картина, и подхожу поближе, чтобы рассмотреть, но останавливаюсь, пораженная, потому что это не картина, а лицо живого Господа. Мне делается очень страшно, только страх быстро проходит, и вместо него – такая радость, что мне хочется позвать тебя, маму, всех наших, чтобы все радовались, но я быстро забываю про вас и все смотрю и смотрю на Господа... Не могу рассказать, какой Он, лицо Его было таким светлым, что я с трудом смотрела, хорошо видны были только Его глаза, синие, синие, но не такие, как васильки, или небо, и не как море. По-особенному синие, и такие добрые, и печальные, что мне захотелось плакать. Вдруг Господь сказал: «Проси у Меня, чего хочешь». Я упала на колени и попросила: «Господи, сделай так, чтобы папа с мамой никогда не ссорились».

Руки отца, крепко обнимавшие меня, дрогнули.

– Господь ничего не ответил, только продолжал смотреть на меня Своими необыкновенными печальными глазами. Потом лицо Его стало таять, как облако, а я проснулась и скорее побежала к тебе.

Отец молчит; я чувствую, что он волнуется. Он целует меня в макушку, спускает с колен и, не говоря ни слова, выходит из кабинета. Я бегу за ним, но он идёт на половину матери.

Прижимаюсь в коридоре к стене и со страхом жду, что теперь будет. Тихо... Потом вижу, что горничная несёт в мамин будуар её любимый кофейный сервиз на две персоны. Это значит, что папа будет пить кофе у мамы. Помирились! Господи, слава Тебе!.. После этого случая ссоры между родителями возникали реже и быстро кончались примирением.

Тёма и Жучка **Николай Гарин-Михайловский**

Ночь. Тёма спит нервно и возбужденно... неясный полусвет ночника слабо освещает четыре детских кровати и пятую большую, на которой сидит теперь няня в одной рубашке, с выпущенной косой, сидит и сонно качает маленькую Аню.

– Няня, где Жучка? – спрашивает Тёма.

– И-и, – отвечает няня. – Жучку в старый колодец бросил какой-то ирод. – И, помолчав, прибавляет: – Хоть бы убил сперва, а то так, живём... Весь день, говорят, визжала, сердечная.

Тёме живо представляется старый, заброшенный колодец в углу сада, давно превращенный в свал всяких нечистот, представляется скользкое жидкое дно его, которое иногда с Иоськой они любили освещать, бросая туда зажённую бумагу.

– Кто бросил? – спрашивает Тёма.

– Да ведь кто? Разве скажет!

Тёма с ужасом вслушивается в слова няни. Мысли роем теснятся в его голове, у него мелькает масса планов, как спасти Жучку, он переходит от одного невероятного проекта к другому и незаметно для себя снова засыпает. Он просыпается опять от какого-то толчка среди прерванного сна, в котором он всё вытаскивал Жучку какой-то длинной петлей. Но Жучка всё обрывалась, пока он не решил сам лезть за нею. Тёма совершенно явственно помнит, как он привязал веревку к столбу и, держась за эту веревку, начал осторожно спускаться по срубам вниз; он уже добрался до половины, когда ноги его вдруг соскользнули, и он стремглав полетел на дно вонючего колодца. Он проснулся от этого падения и опять вздрогнул, когда вспомнил впечатление падения.

Сон с поразительной ясностью стоял перед ним. Через ставни слабо брезжил начинающийся рассвет.

Тёма чувствовал во всём теле какую-то болезненную истому, но, преодолев слабость, решил немедля выполнить первую половину сна. Он начал быстро одеваться...

Одевшись, Тёма подошёл к няниной постели, поднял лежавшую на полу коробочку с серными спичками, взял горсть их к себе в карман, на цыпочках прошёл через детскую и вышел в столовую. Благодаря стеклянной двери на террасу здесь было уже порядочно светло.

В столовой царил обычный утренний беспорядок: на столе стоял холодный самовар, грязные чашки. Тёма подошел к отдельному столику, на котором лежала кипа газет, осторожно выдернул из середины несколько номеров, на цыпочках подошел к стеклянной двери и тихо, чтобы не произвести шума, повернул ключ, нажал ручку и вышел на террасу.

Его обдало свежей сыростью рассвета.

День только что начинался. По бледному, голубому небу там и сям, точно ключьями, повисли мохнатые, пушистые облака. Над садом легкой дымкой стоял туман. На террасе было пусто, и только платок матери одиноко валялся, забытый на скамейке...

Тёма пошёл по главной аллее, потому что в каретнике надо было взять для петли вожжи. Что касается до жердей, то он решил выдернуть их из беседки.

Очувшись в сарае, он взял двое вожжей и захватил на всякий случай длинную веревку, служившую для просушки белья.

При взгляде на фонарь он подумал, что будет удобнее осветить колодец фонарём, чем бумагой, потому что горящая бумага может упасть на Жучку – обжечь её.

Выбравшись из сарая, Тёма избрал кратчайший путь к беседке – перелез прямо через стену, отделявшую чёрный двор от сада. Он взял в зубы фонарь, намотал на шею вожжи, подвязался верёвкой и полез на стену.

Взобравшись наверх, он на мгновение присел, тяжело дыша, потом свесил ноги и наклонился, чтобы выбрать место, куда прыгнуть. Он увидел под собой сплошные виноградные кусты и только теперь спохватился, что его всего забрызгает, когда он попадёт в свеженамоченную листву. Он оглянулся было назад, но, дорожа временем, решил прыгать. Эта холодная ванна мгновенно освежила его, и он почувствовал себя настолько бодрым и здоровым, что пустился рысью к беседке, взобрался проворно на горку, выдернул несколько самых длинных прутьев и большими шагами по откосу горы спустился вниз...

Подбежав к отверстию старого, заброшенного колодца, пустынно торчавшего среди глухой, поросшей только высокой травой местности, Тёма вполголоса позвал:

– Жучка, Жучка!

Тёма замер в ожидании ответа.

Сперва он ничего, кроме биения своего сердца да ударов молотков в голове, не слышал. Но вот откуда-то издалека, снизу, донесся до него жалобный, протяжный стон. От этого стона сердце Тёмы мучительно сжалось, и у него каким-то воплем вырвался новый громкий оклик:

– Жучка, Жучка!

На этот раз Жучка, узнав голос хозяина, радостно и жалобно завизжала.

Тёму до слез тронуло, что Жучка его узнала.

– Милая Жучка! Милая, милая, я сейчас тебя вытащу! – кричал он ей, точно она понимала его.

Жучка ответила новым радостным визгом, и Тёме показалось, что она просила его поторопиться с исполнением обещания.

– Сейчас, Жучка, сейчас, – ответил ей Тёма и принялся с сознанием всей ответственности принятого на себя обязательства перед Жучкой выполнять свой сон.

Прежде всего, он решил выяснить положение дела. Он почувствовал себя бодрым и напряженным, как всегда.

Болезнь куда-то исчезла. Привязать фонарь, зажечь его и опустить в яму было делом одной минуты.

Тёма, наклонившись, стал вглядываться.

Фонарь тускло освещал потемневший сруб колодца, теряясь всё глубже и глубже в охватившем его мраке, и, наконец, на трехсаженной глубине осветил дно.

Тонкой глубокой щелью какой-то далекой панорамы мягко сверкнула перед Тёмой в бесконечной глубине мрака неподвижная, прозрачная, точно зеркальная, гладь вонючей поверхности, тесно обросшая со всех сторон слизистыми стенками полусгнившего сруба.

Каким-то ужасом смерти пахнуло на него со дна этой далекой, нежно светившейся страшной глади. Он точно почувствовал на себе её прикосновение и содрогнулся за свою Жучку. С замиранием сердца заметил он в углу черную шевелившуюся точку и едва узнал, вернее, угадал в этой беспомощной фигурке свою некогда резвую, весёлую Жучку, державшуюся теперь на выступе сруба. Терять времени было нельзя. От страха, хватит ли у Жучки силы дожидаться, пока он всё приготовит, у Тёмы удвоилась энергия. Он быстро вытащил назад фонарь, а чтобы Жучка не подумала, очутившись опять в темноте, что он её бросил, Тёма во всё время приготовления кричал:

– Жучка, Жучка, я здесь!

И радовался, что Жучка отвечает ему постоянно тем же радостным визгом. Наконец всё было готово. При помощи вожжей фонарь и два шеста с перекладиной внизу, на которой лежала петля, начали медленно спускаться в колодец.

Но этот так обстоятельно обдуманый план потерпел неожиданное и непредвиденное фиаско благодаря стремительности Жучки, испортившей всё.

Жучка, очевидно, поняла только одну сторону идеи, а именно, что спустившийся в колодец снаряд имел целью её спасение, и поэтому, как только он достиг её, она сделала попытку

схватиться за него лапами. Этого прикосновения было достаточно, чтобы петля бесполезно соскочила, а Жучка, потеряв равновесие, свалилась в грязь. Она стала барахтаться, отчаянно визжа и тщетно отыскивая оставленный ею выступ.

Мысль, что он ухудшил положение дела, что Жучку можно было ещё спасти, и теперь он сам виноват в том, что она погибнет, что он сам устроил гибель своей любимице, заставляет Тёму, не думая, благо план готов, решиться на выполнение второй части сна – самому спуститься в колодец.

Он привязывает вожжи к одной из стоек, поддерживающих перекладину, и лезет в колодец. Он сознает только одно: что времени нельзя терять ни секунды.

Его обдает вонью и смрадом. На мгновение в душу закрадывается страх, как бы ни задохнуться, но он вспоминает, что Жучка сидит там уже целые сутки; это успокаивает его, он спускается дальше. Он осторожно шупает спускающейся ногой новую для себя опору и, найдя её, сначала пробует, потом твёрдо упирается и спускает следующую ногу.

Добравшись до того места, где застряли брошенные жердь и фонарь, он укрепляет покрепче фонарь, отвязывает конец вожжи и спускается дальше. Вонь всё-таки дает себя чувствовать и снова беспокоит и пугает его. Тема начинает дышать ртом. Результат получается блестящий: вони нет, страх окончательно улетучивается.

Снизу тоже благополучные вести. Жучка, опять уже усевшаяся на прежнее место, успокоилась и весёлым попискиванием выражает сочувствие безумному предприятию.

Это спокойствие и твёрдая уверенность Жучки передаются мальчику, и он благополучно достигает дна.

Между ним и Жучкой происходит трогательное свидание друзей, не чаявших уже больше свидеться в этом мире. Он наклоняется, гладит её; она лижет его пальцы, и так как опыт заставляет её быть благоразумной – она не трогается с места, но зато так трогательно, так нежно визжит, что Тема готов заплакать...

Не теряя времени, он, осторожно, держась зубами за изгаженную вожжу, обвязывает свободным её концом Жучку, затем поспешно карабкается наверх.

Жучка, видя такую измену, подымает отчаянный визг, но этот визг только побуждает Тёму быстрее подниматься.

Но подниматься труднее, чем спускаться! Нужен воздух, нужны силы, а того и другого у Тёмы уже мало. Он судорожно ловит в себя всеми легкими воздух колодца, рвётся вперед, и чем больше торопится, тем скорее оставляют его силы.

Тёма поднимает голову, смотрит вверх, в далекое ясное небо, видит где-то высоко над собою маленькую весёлую птичку, беззаботно скачущую по краю колодца, и сердце его сжимается тоской: он чувствует, что не долезёт.

Страх охватывает его. Он растерянно останавливается, не зная, что делать: кричать, плакать, звать маму? Чувство одиночества, бессилия, сознания гибели закрадываются в его душу.

– Не надо бояться, не надо бояться! – говорит он дрожащим от ужаса голосом. – стыдно бояться! Трусы только боятся. Кто делает дурное – боится, а я дурного не делаю: я Жучку вытаскиваю, меня и папа, и мама за это похвалят. Папа на войне был, там страшно, а здесь разве страшно? Здесь ни капельки не страшно. Вот отдохну и полезу дальше, потом опять отдохну и опять полезу, так и вылезу, потом и Жучку вытащу. Жучка рада будет, все будут удивляться, как я её вытащил.

Тёма говорит громко, у него голос крепнет, звучит энергичнее, твёрже, и, наконец, успокоенный, он продолжает взбираться дальше.

Когда он снова чувствует, что начинает уставать, он опять громко говорит себе:

– Теперь опять отдохну и потом опять полезу. А когда я вылезу и расскажу, как я смешно кричал сам на себя, все будут смеяться, и я тоже.

Тёма улыбается и снова спокойно ждёт прилива сил.

Таким образом, незаметно его голова высовывается, наконец, над верхним срубом колодца. Он делает последнее усилие. Вылезает сам и вытаскивает Жучку.

Теперь, когда дело сделано, силы быстро оставляют его.

Почувствовав себя на твёрдой почве, Жучка энергично встряхивается, бешено бросается на грудь Тёмы и лижет его в самые губы. Но этого мало, слишком мало для того, чтобы выразить всю благодарность, – она кидается ещё и ещё. Она приходит в какое-то безумное неистовство.

Тёма бессильно, слабеющими руками отмахивается от неё, поворачиваясь к ней спиной, надеясь этим маневром спасти хоть лицо от липкой, вонючей грязи.

Занятый одной мыслью – не испачкать об Жучку лицо, Тёма ничего не замечает, но вдруг его глаза случайно падают на кладбищенскую стену, и Тёма замирает на месте.

Он видит, как из-за стены медленно поднимается чья-то чёрная, страшная голова.

Напряжённые нервы Темы не выдерживают, он испускает неистовый крик и без сознания валится на траву к великой радости Жучки, которая теперь уже свободно, без препятствий, выражает ему свою горячую любовь и признательность за спасение.

Еремей (это был он), подымавшийся со свеженакошенной травой со старого кладбища, увидев Тёму, сообразил, что надо спешить к нему на помощь.

Через час Тёма, лежа на своей кроватке с ледяными компрессами на голове, пришёл в себя.

Хромая собака (сочинение цесаревича Алексея)

Ваня возвращался из школы. Ученье прошло у него хорошо, и он весёлый спешил домой. Он с особым вниманием и радостью смотрел по сторонам. Вдруг услышал он жалобный писк и, обернувшись, заметил, что прошёл мимо собаки, которая лежала посреди дороги и лизала свою левую заднюю лапу. Он тотчас подбежал к ней и, разглядев на ней рану, перевязал её своим платком. Собака показалась Ване очень жалкой и худой. Он захотел её накормить и позвал за собой. Хромая на одну ногу, она покорно поплелась за ним.

Через три недели Тузик, – так назвал Ваня свою собаку, – окончательно оправился и очень привязался к своему хозяину. Он всегда выбегал навстречу ему, когда Ваня возвращался из школы, и, прыгая вокруг него, сопровождал его до дому. Дорога из школы лежала мимо речки Змейки, которая протекала на краю деревни. Часто Ваня со своими товарищами останавливался на берегу Змейки, и все вместе смотрели, как ползают раки, которыми эта речка была богата.

Однажды, когда Ваня и товарищи возвращались из школы мимо речки, они заметили рака в воде так близко от берега, что им захотелось поймать его руками. Младший из друзей, Вася, уже начал разуваться, когда Ваня, желая опередить его, стал быстро спускаться по довольно крутому откосу. Вдруг он поскользнулся и через мгновение оказался по горло в воде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.